

П. В. ГАТИЛОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЯДВЯГИЮ

Павел Гатилов

Путешествие в Ятвягию

«Издательский дом “Белорусская наука”»

2018

УДК 821.161.1(476)-31
ББК 84(4Бей-Рус)-44

Гатилов П. В.

Путешествие в Ятвягию / П. В. Гатилов — «Издательский дом
“Белорусская наука”», 2018

ISBN 978-985-08-2280-2

Книга основана на реальных событиях и персонажах. В центре повествования несколько загадочных событий, произошедших на Руси, в Польше, Литве, Пруссии и Ятвягии около 1280 г. в переломную для этих стран эпоху и нашедших отражение в скупых сообщениях летописей и хроник. Роман имеет насыщенную детективную и приключенческую составляющую, дает возможность читателю совершить увлекательное путешествие вместе с главными героями, погрузившись в миры средневековой Европы, полные красот и опасностей.

УДК 821.161.1(476)-31

ББК 84(4Бей-Рус)-44

ISBN 978-985-08-2280-2

© Гатилов П. В., 2018

© Издательский дом “Белорусская
наука”, 2018

Содержание

Слово 1: Судислава	8
Слово 2: Патрик	12
Слово 3: Стегинт	18
Слово 4: Болеслав	24
Слово 5: Конрад	29
Слово 6: Гаудемунда	40
Слово 7: Владимир	50
Слово 8: Даниил	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Павел Гатилов
Путешествие в Ятвягию, в Берестье, Львов,
Краков и другие города Руси, Польши и
Пруссии, в великую пущу и святилище
Ромов ирландского монаха Патрика, о
гибели кораблей, войнах королевств и
христианских разбойниках, о храбрости
Тита и поисках Судиславы, о сооружении
замков в Мариенбурге и Каменце в
год 1279-й от Рождества Христова

© Гатилов П. В., 2018

© Оформление. РУП «Издательский дом «Беларуская навука», 2018

Год 1279-й. В полночной¹ Европе из-за обильных дождей недородное лето. Чтобы избежать голодной зимы, ятвяги – воинственный лесной народ меж Русью, Польшей, Литвой и Пруссией – отправляют послов к Волынскому² князю Владимиру Васильковичу и смиренно просят продать им зерна, обещая заплатить как угодно: воском, белками, бобрами, куницами, серебром. В начале августа две ладьи, груженные мешками с житом, выходят из Берестья³ и направляются вниз по течению Буга в сторону летнего заката.

В то же лето проповедник из далекой Ирландии пересекает три моря и четыре королевства, чтобы нести Слово Господнее в последний языческий предел Европы.

¹ Здесь и далее слова «полночь», «полночный» наряду с обычным смыслом применяются в значении «север», «северный», а слова «полдень», «полуденный» – в значении «север», «северный», т. е. так же, как это было в старину на Руси.

² Волынь – земля и княжество на западе Руси.

³ Берестье – изначальное название Бреста.

Слово 1: Судислава

Третий день пути был на исходе. Столько же предстояло пройти по рекам Мазовии⁴, прежде чем достичь Ятвягии. По левому борту ухоженные деревни чередовались с полями и дубравами. По правому – тянулся густой лес, изредка виднелись одинокие рыбацкие хижины. Ракиты, растущие по низким берегам, касались листьями мутнозеленой воды.

Корабли вел берестейский тиун⁵ Баграм Верещага. Одно из своих имен тиун получил при рождении, второе – при крещении. Годы хорошо приложились к его полысевшей голове, седым усам и обветренной коже, но мышцы хранили добрый остаток прежней силы, взгляд – остроту, а скрипучий голос не искушал людей, имевших с ним дело, перейти ему дорогу.

Около полудня Баграм заметил над правым берегом дым костра, рассеявшийся, когда корабли приблизились. Спустя время, утиный выводок в прибрежных зарослях крикливо побегал по реке, напуганный то ли зверем, то ли человеком.

Дважды в течение дня тиун отказывал в отдыхе усталым дружинникам. Гребцы переглядывались, кривили лица и сильнее налегали на весла, утешаясь мыслью, что Верещага хочет до вечера достичь Нарева – реки, берущей начало из ятвяжских болот. Но когда ладьи вошли в Нарев и пошли вверх по течению, тиун не подал знака, какого от него ждали.

Солнце теперь припекало слева. Второй корабль опасно приблизился, и Данила, молодой боярин, главный на втором корабле, перепрыгнул на первую ладью. Старый тиун шурился вдаль, придерживая кормовое весло, и как будто не обращал внимания на выходку товарища.

- Верещага, ты совсем озверел, – негромко сказал Данила.
- Дойдем до Пултуска, – коротко отозвался тиун.
- Это еще пять поприщ⁶ против течения.
- Да.

⁴ Мазовия – земля и княжество на северо-востоке Польши.

⁵ Управитель в Древней Руси.

⁶ Поприще – старорусская путевая мера, имевшая разные значения, в данном случае – около 1,5 км.

– Под твоей рукой люди, а не холопы. Выдохлись, не видишь?

Дружинники слушали не оборачиваясь.

– Дед, послушай Данилу, – прозвучал девичий голос.

– А тебе кто слово дал? – рассердился Баграм.

Отец Судиславы погиб на охоте за месяц до ее рождения. Мать умерла вскоре после родов. Многие тогда говорили, что над домом Ваграма нависло заклятие. По старому обычаю, чтобы отвести нечисть, следовало дать ребенку нелепое имя – вроде того, каким нарекли при рождении самого Ваграма. Но гордый боярин, не боясь ни людей, ни духов, назвал единственную внучку не просто одним из самых красивых имен, какие знал, но именем, принадлежавшим когда-то княжескому роду.

Баграм нашел для маленькой Судиславы кормилицу, а когда девочка подросла – не имея на кого оставить ребенка, сам взялся ее воспитывать. Он не мог научить Судиславу прясть шерстяную нить, ткать сукно, заплетать косы. Некоторые из этих наук она кое-как осваивала сама. А дед обучал, чему мог: колоть дрова, разводить огонь, разделывать звериные тушки, стрелять из лука, который смастерил нарочно для нее – настоящий охотничий был девочке не по силам. Потом приучил носить мальчишеские порты, чтобы хлопцы не заглядывались и в дорогах хлопот меньше было. Он брал ее с собой на охоту, в полюдье⁷, по торговым путям – всюду, кроме войны.

Берестяне уже плохо представляли себе тиуна без следующей за ним худенькой девочки с вытянутым лицом, большими миндалевидными глазами, прямым, немного вздернутым носом и коротко стриженными русыми волосами, перехваченными таким же, как у деда, обручем. Ее присутствие осложняло простую и грубую жизнь мужчин, но они относились к ней как к младшей сестре, которую надо терпеть и оберегать. С ней дорога обретала иной смысл.

– Дед... – повторила Судислава с кроткой твердостью, не отводя глаз, – послушай Данилу. Ивашко ладони до крови стер.

Баграм окинул взором дружинников.

– Что, мужики, – прохрипел он, ухмыльнувшись, – правда, что ли, притомились?

– Притомились, тиун, – подтвердили корабельщики, – дай отдыха.

– Ладно, пройдем еще полпоприща – будет затока. Там и заночуем. Прежде, чем сойти на берег, наденьте кольчуги. Оружие не оставляйте...

Гребцы налегли на весла. Напряженное молчание последних часов сменилось гомоном и шуточной перебранкой. Вечернее солнце медленно клонилось к закату и освещало рыжим светом узкую полоску песчаного берега, за которой стоял старый лес – он надвигался на путников, простирая над ладьями длинные ветви. Корабельщики – все тридцать семь человек – сошли на сушу, привязали веревками корабли, словно больших коней, и, оставив на берегу дозор, разошлись собирать хворост.

Вечером у костра Баграм наставлял внучку приглушенным осипшим голосом:

– Не делай так впредь. Не становись против меня. Если хочешь просить за кого-то, проси так, чтобы другие не слышали.

– Добро, – согласилась Судислава.

– Не будь жалостливой. Мужчины должны быть мужчинами, а жалость портит мужа. Если его часто жалеть, он станет бабой. Поняла?

– Да...

– И вообще... старайся не лезть в мужские дела.

– Да.

– Добро...

Баграм глубоко вздохнул.

⁷ Полюдье – сбор дани.

– Но сегодня я была права? – Судислава покосилась на деда.

Баграм недоуменно вытаращился на внучку.

– Ну, ты же согласился!

На ее щеках заиграли ямочки, а глаза лукаво блеснули, как блестели при свете пламени два тонких кольца в ее ушах. Старик крякнул что-то и отвернулся.

– Что это за серьги у тебя?

– Тит подарил.

– Тяжелые?

– Нет.

Баграм протянул руку и приподнял одно из колец, прищурился, опять отвернулся и потыкал палкой в костер. Почерневшие головешки заискрились.

– Орихалк⁸. Ятвяжская работа... только знаешь, в дорогу не надо надевать украшений. Здесь они ни к чему. Только мешать будут. Зацепишься ухом за ветку, повиснешь на дереве и будешь кричать: «Деда! Деда!», пока дед не придет и не снимет.

Судислава улыбнулась.

– И вот еще что, – добавил Баграм другим голосом, – запомни: нельзя принимать подарки от чужого мужчины. Тит – мой крестник, но тебе он не брат и никто. Мне не так уж важно, что там люди скажут – ты меня знаешь. Но ты сама будешь чувствовать, будто должна ему что-то. Понимаешь?

Огоньки в глазах Судиславы погасли, глаза скрылись под ресницами. Непроизвольным движением она поправила волосы над ушами, чтобы спрятать серьги. Совсем не к месту раздался грубый смех дружинников, толкующих о чем-то своем.

– Тит... – раздумчиво продолжал Баграм, – он часто стал навещать ко мне. Но ко мне ли? Такого ловкого охотника и отважного воина, я тебе скажу, в Берестье, да и на всей Волыни, больше не сыщется. Ты его, внучка, не обижай, но будь с ним осторожна. Смотри, чтобы голову глупую твою не вскружил и ум твой не исхитил. Кто узнает его помысел? Может, ты ему в сердце легла, а может, это так совпало просто. А может, ты ему как олень, на которого он сети закинул. Обидит тебя, и урвутся корни сердца твоего⁹.

Судислава придвинулась к деду, обняла его руку, положила голову на плечо и неотрывно следила за движениями огня. Вдруг подул сильный ветер. Тысячи листьев в черных глубинах ночного леса тревожно зашелестели. Девочка вскинула голову и увидела, как угрожающе раскачиваются над ними тяжелые дубовые ветви. Но никто из мужчин не видел и не слышал этого. Они продолжали говорить, шутить, смеяться, словно вокруг ничего не происходило. И ветер утих так же внезапно, как поднялся. Судислава вдруг подумала, что лучше бы ей было не вступать и не мешать деду довести корабли до ближайшего польского города.

– Не бойся, – разгадал ее мысли Баграм, – мы во владениях мазовецкого князя. Конрад живет в большой любви с нашим князем Владимиром. Он знает о нашем пути. Его люди нас не тронут.

– А кто живет на этой стороне реки?

– Да никто не живет.

– А если идти много дней по лесу?

– Если идти по лесу, дня через три начнутся смоляные топи.

– Непроходимые?

– Опытный следопыт, может, и пройдет, а чужак пропадет.

– А за топами?

– А за топами Ятвягия.

⁸ Орихалк – сплав меди и золота.

⁹ Древнерусский речевой оборот.

– Значит, ятвяги могут выйти из этого леса? Поэтому на этом берегу нет деревень?
Лицо старика застыло.

– Когда-то ятвяги были жестоким и сильным народом, – ответил Баграм, помолчав, – но с тех пор прошло много лет. Наши князья так повоевали с ними, что ятвяги перестали даже помышлять о разбое. Теперь, видишь, просят князя Владимира о милости. Они ждут нас и встретят как своих спасителей. Так что давай-ка ложись и спокойно засыпай. А я пойду – проверю сторожей.

– Дед.

– Да?

– Когда усну, не буди меня ужасно¹⁰.

– Не бойся, внучка. Я тихо пробужу тебя на заре.

Судислава подложила плащ под голову и устроилась на лежанке из мелкого хвороста, приятно покалывавшего спину. Она вспомнила последнюю встречу с Титом, как он отвел ее в сторону, вложил ей что-то в руку, и она увидела на ладони две орихалковые серьги. А его серые глаза смотрели ей прямо в лицо и ловили ее душу. Судислава подняла веки и опять увидела над головой раскидистые ветви. Они уже не двигались от ветра. Над ними в иссиня-черном небе плыла на запад серебряная ладья.

Тишину порвал чей-то крик. Судислава вздрогнула, открыла глаза и не шевелилась, пытаясь понять, во сне это было или наяву. Костры уже не горели. Месяц заволокло облаками. Ночной холод до дрожи обьял ее тело. Потом стали раздаваться сбивчивые голоса: «Кто кричал?» – «Это Правша кричал!» – «Он на страже?» – «Ивашко на страже». – «А где Ивашко?» – «Ивашко!» – «Зажгите огонь!»...

Из лесу опять донесся крик, от которого внутри все съежилось.

– Судислава, беги на корабль и сиди там!

Она не сразу поняла, что слова обращены к ней.

– Делай, что сказал Данила, – услышала она твердый голос деда.

Только тогда Судислава вскочила и побежала к ладье, войдя по колено в холодную воду. Чьи-то сильные руки подсадили ее. Оказавшись на палубе, она присела и, вцепившись руками в борт, смотрела на скопление дружинников на берегу. Из лесу быстро и молча выходили чужие люди. Раздались крики храбрых защитников. Донесся лязг и скрежет железа. Какой-то широкоплечий исполин быстро и высоко поднимал большой топор, словно рубил дрова. Крики ярости смешались с ужасными криками боли.

Судиславе послышался сдавленный стон деда. Она зажала себе рот ладонью, отвернулась и скоро по наступившей тишине поняла, что все кончено. Сидя на палубе, перебирая ступнями, она забилась в узкую щель между бортом и мешками с житом. Она понимала, что они сейчас придут, но больше ей некуда было спрятаться.

Ладья покачнулась. Судислава зажмурилась. Ее трясло. Ноги как будто отнялись. Она стиснула зубы, но не могла подавить шум прерывистого дыхания. Скрипнула палубная доска. Тяжелые неспешные шаги отмеряли короткий путь. Кто-то остановился над ней. «Кайлес-кайлес», – услышала она странные слова. Сильная рука взяла пленницу за волосы и вытянула из укрытия. Она закричала от ужаса, дернулась изо всей силы и в первый миг даже не почувствовала боли в порванном ухе. Серьга осталась в руке убийцы. Судислава упала на палубу, но тут же вскочила и прыгнула в воду. Раздался всплеск.

Черные воины стояли на краю корабля и молча смотрели вниз. Никто не выплыл. Месяц снова показался из-за облаков. Деревья замерли над рекой. По речной глади расходились круги.

¹⁰ Т. е. не испугать при пробуждении (еще один древнерусский речевой оборот).

Слово 2: Патрик

– ...я не достоин носить его имя. Он мог разговаривать со своим ангелом, как я говорю с тобой. Он был храбр, как лев. Он умел творить чудеса. – Какие чудеса он творил? – Когда Патрик вернулся в Ирландию, был большой языческий праздник. По обычаю, в тот день, вернее, в ту ночь, никто не смел зажечь даже факел на своем дворе прежде, чем будет зажжен огонь в королевских покоях. Тогда же был канун Пасхи. И вот Патрик приказывает своим спутникам, а их было семь взрослых мужчин и один мальчик, собрать в одном месте много хвороста и дров и развести огромный костер. В ночное небо поднялся такой столп света, что зарево от него увидели даже в Таре¹¹, где собрались на праздник король со свитой, вожди кланов и друиды со всей Ирландии. Король пришел в ярость. Друиды возопили. Все они с большим войском устремились на равнину Бреги, откуда виделся свет. Но когда достигли этого места, во тьме многие перебили друг друга и не нашли, кого искали, а вместо них видели семь оленей, удаляющихся оттуда, – семь оленей, говорю я, и одного олененка. А спустя несколько дней Патрик явился на пир в королевский дворец, пройдя через запертые ворота, – король испугался и не знал, как убить его. Тогда друид капнул яда в чашу с вином и поднес ее святому. Но Патрик перекрестил чашу, и вино превратилось в лед, и только та капля яда не замерзла, и Патрик перевернул кубок, и она вытекла, он снова перекрестил свой кубок, и в нем опять было вино. Тогда друид вызвал его на состязание. Он сотворил страшное заклинание – подул ледяной ветер, и посреди весны повалил густой снег, укрывший землю, но Патрик помолился, и в тот же день вернулась весна.

– Напрасно, напрасно ты рассказываешь так много чудес, монах. Поначалу я слушал тебя и радовался, что был такой святой человек, который видел своего ангела и мог говорить с ним. А потом твои слова стали больше походить на красивые небывицы. Олени какие-то... Как мне, смертному и грешному человеку, поверить в такое? Больше того скажу. Ничто так не угнетает мою слабую веру, как выдумки о мнимых чудесах. Многие люди суетно пересказывают их друг

¹¹ Древняя столица Ирландии.

другу со странным восторгом. Наверно, этими сказками они пытаются укрепить свои души, ослабленные маловерием. Но вместо этого вредят и своей и чужой вере. Эти вымышленные чудеса словно шепот древнего змия¹². Он – как тот лукавый друид из твоего рассказа – добавляет вымыслы, словно капли яда в вино, чтобы отравить нашу веру в Бога – и потом, когда яд начинает действовать, уже все кажется вымыслом – все отравлено.

– Но я, правда, верю в чудеса, совершенные святым Патриком. Верю, потому что есть плод его труда. Он крестил мою родину – Ирландию.

– Князь Владимир, мой предок, имя которого я ношу, крестил Русь¹³. Но он не совершал при этом никаких чудес.

– У него была власть, воины, золото. Разве нет?

– Да.

– А Патрик ничего этого не имел. Подумай, как один простой человек смог обратить к Христу целую страну – такую страну, как Ирландия, говорю я, полную языческих вождей, друидов и древних идолов. Вот оно – главное чудо! Ни ты, ни кто другой не сможет его отрицать. Кому еще после апостолов удавалось такое?

– Если твоя вера в силу чудес так велика, почему бы тебе не помолиться, чтобы спасти загубленный урожай этого года?

– Говорю же, я – не он.

Владимир откинулся на спинку тронного кресла и повел кистью. Зашуршали одежды, скрипнули половицы – все, кроме Патрика, покинули палату. Свет вечернего солнца проник в терем через высокие окна, падая на гладкий пол и светлые бревенчатые стены желтоватозелеными, под цвет оконных стекол, пятнами, медленно скользившими в направлении трона. Уходящий день был жарким. Поверх нательной сорочки широкие плечи волынского князя покрывала бежевая льняная свита¹⁴. Князь был высокого роста, крепкого телосложения. Волосы русые, кудрявые, борода острижена, рот широкий, глаза большие, светлые. Спокойный взгляд пытался прочесть по лицу гостя, что таилось в его душе.

За прошедшие годы Владимир повидал немало монахов латинской церкви – они принадлежали к разным орденам, носили разные одежды, по-разному вели себя. Бенедиктинцы в черных и бурых плащах с остроконечными капюшонами, гордящиеся древностью своего ордена, заставшего времена Древнего Рима. Цистерцианцы и августинцы в белых одеяниях, проповедующие чистоту нравов и воздержание. Минориты¹⁵, называемые также по цвету плащей серыми братьями, препоясанные веревками, обутые в сандалии на босу ногу, взывающие к бедности и простоте. Братья-проповедники¹⁶, или, как их еще называли по цвету плащей, черные братья, занимающиеся богословием и миссионерской проповедью, обращенной к язычникам и еретикам. Один из братьев-проповедников, отвечая на укор князя, объяснил эти различия тем, что монахи разных орденов, словно воины Господа, принадлежащие к разным родам войск. Владимир думал, что научился различать их всех. Но этот монах не походил ни на кого из тех, кого князю доводилось видеть прежде.

На вид страннику было около шестидесяти. Мясистое лицо с упрямым подбородком покрывала густая борода, рыжая у щек и побелевшая книзу. Проповедники-латиняне иногда отпускали бороду, когда шли в другие земли нести Слово язычникам. Но вместо обычного круглого гуменца¹⁷ на темени, которое выбривали и латинские, и русские монахи,

¹² Древний змий, древний дракон – мистическая метафора Сатаны в средние века.

¹³ Владимир Святославич, князь Руси в 980—1014 гг. Крещение Руси произошло в 988 г.

¹⁴ Свита – рубаха.

¹⁵ Францисканцы.

¹⁶ Доминиканцы.

¹⁷ Гуменцо (тонзура) – выбритое место на голове монаха. Древняя ирландская тонзура имела особенности.

волосы странника были выбриты ото лба до затылка. Глаза умные и живые, блеклосерые, возможно, когда-то были голубыми. Иноземец имел рост выше среднего, плотное телосложение и, видимо, немалую силу. На нем был сшитый из грубого шерстяного сукна темно-зеленый плащ с глубоким капюшоном, который монах откинул, когда зашел в палату. Перчатки не мешали ему перебирать четки. Дорожный посох он оставил у входа. Кожаная обувь застегивалась ремешками и, судя по мягкой поступи гостя, словно он шел босиком, не имела каблуков. На плече висела сума. Проповедник говорил на русском языке бегло, лишь изредка приостанавливаясь, чтобы вспомнить нужное слово.

– Итак, латинянин, чего ты хочешь от меня? – спросил Владимир.

– Прохода в Ятвягию.

– В Ятвягию, – повторил князь.

– Да. В ту часть земли, дань с которой ты собираешь по праву трехстороннего договора. Прошу твоего позволения нести ее обитателям Слово Евангелия.

– По договору¹⁸, упомянутому тобой, две трети Ятвягии принадлежат крестоносцам. Там, наверняка, все еще полно язычников. Почему же ты пришел ко мне?

– Тевтонские братья несут Слово Божье на острие меча. Насколько я знаю, за прошедшие годы они окончательно покорили Пруссию и уже успели побывать в полночной Ятвягии. Там, где хоть раз потрудились огнем и мечом, уже трудно проповедовать... – голос монаха стал глуше, глаза сузились, – трудно проповедовать одним лишь словом...

Владимир уперся щекой в кулак, не отрывая взгляда от странника.

– Какого ответа ты ждешь от меня?

– Ответа, о котором я молил Господа всю дорогу с того дня, как покинул родину...

– Далеко твоя родина?

– На острове, на самом западе Европы, – Патрик опустил глаза.

– И ты, покидая свой монастырь, знал о существовании Ятвягии?

– Да.

– Какой же епископ мог благословить тебя на такой дальний путь?

– Альберт Зауэрбер¹⁹.

– Альберт Рижский? Он умер много лет назад. Ты, видно, решил посмеяться надо мной, монах.

– Я бы не отважился смеяться над тобой в твоём присутствии. Альберт благословил меня на эту проповедь двадцать четыре года назад.

– О, как же долг был твой путь!

Гость сделал вид, что не заметил насмешки в словах князя.

– Это так. Три месяца прошло с того утра, когда мы с моим спутником покинули на корабле пристань города Дублин. Через день после отплытия мы прибыли к берегу Англии. Мы пересекли эту страну с запада на восток, опять сели на корабль, что плыл во Фландрию, но из-за ненастья высадились в Нормандии. Здесь мальчик, что сопровождал меня, заболел лихорадкой и, сбросив бремя телесной оболочки, отдал долг каждого смертного. Похоронив его и не найдя себе нового спутника, я в одиночку продолжил путь. Так, путешествуя по Франции, я добрался до герцогства Саксония. В Любеке сел на корабль пилигримов и с ними прибыл в Пруссию, в город тевтонских братьев Торунь. Дальше – по большой реке Висла через княжество Мазовия, о котором тебе хорошо известно, потом по Бугу я добрался до Руси. От Мельника до Берестя я шел пешком. Мне сказали, что я смогу найти тебя здесь, потому что ты редко бываешь во Владимире, и я рад этому, потому что это избавило меня от лишних дней пути.

¹⁸ Договор 1254 г. между Даниилом Галицким, Земовитом Мазовецким и вице-магистром Тевтонского ордена в Пруссии Бурхардом фон Хорнхаузенем.

¹⁹ Альберт II Зауэрбер – пятый рижский епископ и первый архиепископ в 1253–1273 гг.

Лицо князя помрачнело. Да, он редко бывал в стольном городе, носившем такое же имя, как его собственное. Недаром на славянском языке слово «волынъ» означало поле, луговую степь. Древний град Владимир Волынский стоял слишком близко к степи – дикому полю, со стороны которого стремительно приходили татарские орды – так быстро, что гонцы и разведчики с пограничья не всегда успевали обогнать их и предупредить о прибытии гостей, чтобы князя могли подготовиться к унижению, а жители – спрятать свои пожитки или уйти с семьями куда подальше и переждать лихо. С тех пор, как выжившие после многих проигранных битв русские князья смирились и согласились платить дань, татары стали их союзниками и покровителями. Но такие покровители были хуже врагов. Приходя из степи, надменные татарские темники требовали еще больше дани, царского почтения к себе, прокорма для войска и лошадей, и еще войска, чтобы оно шло с ними дальше на запад – в Польшу, Венгрию, Чехию. Но они могли и не пойти дальше, а вместо этого задержаться на много месяцев здесь, и это было страшнее, потому что земля, которую они избирали для стоянки и пастбища, превращалась в пустыню. Они могли угнать людей и скот в степь, могли потребовать от князей для подтверждения дружбы и доверия скрыть валы и разобрать стены своих замков и городов. Бывало, они приходили каждый год, а бывало, не появлялись по несколько лет, и жизнь возрождалась. Вырастали дети, не знавшие этого страха. Но потом они все равно приходили. Здесь, на полночи Владимирского княжества в городах лесной Руси, дышалось спокойнее, хотя тоже было небезопасно. И Владимир все чаще искал себе прибежища в этом краю. Но обсуждать это с латинским монахом он не собирался.

– Вы, латиняне, называете нас, русинов, схизматиками за то, что мы следуем в вере и обрядах грекам. Своих язычников крестите так, что после вашего крещения остаются трупы и пепелища. Ты же пришел ко мне и просишь позволения крестить покорных мне язычников – не мечом, а словом. Так чего же, спрашиваю тебя снова, ты ждешь от меня?

– Каждый будет держать свой ответ в судный день. В моих руках нет меча.

Ирландец развел руки, показывая открытые ладони, на одной из которых блеснули бусины четок.

– Не хочешь ли ты сказать... – прищурился Владимир, – что не согласен с образом действий тевтонских братьев?

– В моей суме только книга, крест и немного еды...

– Как у Мейнарда.

Князь не пояснил, что хотел сказать этим именем. Гость ждал и, возможно, молился. Владимир пригладил короткую бороду и когда снова заговорил, в его бесстрастном голосе уже не было ни любопытства, ни раздражения:

– Я рад твоему прибытию. Любой христианин – желанный гость в моем доме. Ты можешь гостить у меня и священников моей земли, сколько пожелаешь, при условии, что не будешь проповедовать у нас свой обряд. Ты получишь все необходимое для твоего содержания. Когда отправишься в обратный путь, я дам тебе грамоты для королей твоей земли и скромный дар для твоей обители. Что касается твоей просьбы, я не могу позволить тебе идти к ятвягам, и пусть мой отказ не омрачит твоего сердца.

Ирландец сжал губы и поклонился. Владимир успел заметить, как холодно блеснули серые глаза, и подумал, что этот человек из упрямой породы людей, поступающих по-своему даже под страхом жестокой кары.

– Покажи мне свою книгу...

Патрик выпрямился, бережно извлек из сумы рукопись в переплете из темной кожи и, приблизившись, протянул правителю. Владимир неспешно развернул пергаменные листы в середине книги. Строки были написаны на латыни округлыми буквами. Пальцы перевернули несколько страниц. Глазам открылся волшебный лес миниатюр: лев, бык, крылатые существа – орел и ангел. Тонкие линии орнамента поднимались на полях, как болотный хмель обвивается

вокруг ольхи, десятки раз переплетаясь друг с другом, образуя кольца, водовороты и линии пламени, прежде чем исчезнуть в пасти неожиданно выползшей откуда-то змеи или мифического зверя.

– Что в ней? – спросил князь.

– Четыре Евангелия, Псалтирь и некоторые пророческие книги.

– Мало червленого цвета... – подумал Владимир вслух, – много измарагда²⁰ и древесного. Золото, лазурь...

Патрик, разглядывавший вместе с князем листы рукописи, бросил короткий взгляд на его лицо и заметил, как оно преобразилось – как будто засветилось изнутри. Глаза Владимира жадно смотрели на миниатюры и незнакомые слова, словно душа его пила и не могла напиться. Князь бережно перевернул еще несколько страниц.

– Что написано здесь? – спросил он.

Патрик прочитал отрывок из псалма. Владимир закрыл книгу и одновременно – глаза. Прошептал что-то, перекрестился, поднял веки и развернул наугад пергаменные листы. Он подал книгу монаху, указав перстом на строки, и ирландец прочитал:

– Бог помазал меня благовествовать нищим, исцелять сокрушенных сердцем, возвестить пленным освобождение и слепым прозрение, возвестить год Господень благоприятный и день воздаяния Бога нашего, утешить плачущих...

– Читай дальше.

– ...их назовут народом праведным, насаждением Господним во славу его, и застроят пустыни вечные, прежде запустевшие, возобновят разоренные города, запустевшие с древних родов...²¹

Владимир жестом прервал чтение.

– Возобновят разоренные города, запустевшие с древних родов... – повторил он, глядя в желто-зеленое окно, – мой человек отведет тебя и покажет, где ты сможешь передохнуть с дороги и подкрепить силы. Я еще подумаю над твоей просьбой.

Ирландец прижал книгу к груди и направился к выходу не поклонившись. Уже у двери князь окликнул его и спросил во второй раз:

– Ты же знаешь, какая дикая страна Ятвягия и какова была судьба проповедников, ходивших в те места. Ты не можешь творить чудеса, как тот древний Патрик, не обладаешь войском, как тевтонские братья. А если у тебя нет никакой силы, для чего идешь туда?

– Чтобы умереть там... – тихо, но твердо промолвил странник.

Владимир Василькович видел, что гость ответил искренне, приоткрыв этими словами некую личную тайну, о которой не говорил вслух.

Путника, много дней не евшего горячей еды, проводили в поварню и накормили кашей с пшеничными отрубями. Потом отвели в тесную избу. Внутри было прохладно, в ноздри била древесная сырость, слабый сумрачный свет проникал через узкое оконце. В углу стояла маленькая глиняная печь. В щели меж рассохшимися бревнами копошилась мышь. Значит, крыс не было. Как же здесь было хорошо! Присев, Патрик понял, как сильно устал. Княжий холоп растопил огонь и принес рогожу, чтобы было, чем укрыться ночью.

Глаза привыкли к полумраку. Патрик увидел на стене против печи, выше освещенного дрожащего пятна, полку. Он положил на нее суму с книгой, снял плащ, власяницу и долго держал над дымом. Обкутив ризы, он опять оделся и препоясался, нащупав пальцами зашитые в пояс монеты. Потом опустил на колени, вспомнил, что оставил четки в суме, но уже не стал подниматься, сложил руки в замок и, положив локти на скамью, начал негромким и ровным

²⁰ Измарагд – изумруд.

²¹ Ис. 61.

голосом произносить молитвы на латыни, отшлифованные за многие столетия христианства до совершенства. Потом умолк. И вдруг заговорил на родном ирландском:

– Господи, знаю, что согрешил. Но кому мне здесь исповедоваться? Я обманул князя, но слова, которые я прочел, были на соседней странице. Я решил, что Ты так устроил. У меня не было времени подумать. Как еще я мог убедить его? Иначе для чего я проделал этот путь? Разве не в том была Твоя воля? Как мне узнать, Господи? Как же просто все было бы, если бы Ты не молчал! Я делал бы все по Твоему слову, и душа моя была бы спокойна. Знаю, знаю, что не могу слышать Твоего голоса только по моей немощи. Ибо голос Твой опалит, и вид Твой испепелит. Только такие святые, как Патрик, могут без ущерба для себя общаться с небесными силами. Но ведь он и так был святой. Ему легче было понять, чего Ты хочешь. А мне как быть? Господи! Ведь мне, грешному, помощь нужна больше. О, если бы мог я, как святой Патрик, видеть своего ангела! А он направлял бы меня... Он ведь здесь? Сидит рядом – крылья приподняты, взор ясен, одежды белы, как снег...

Рука дотронулась до темной пустоты. Пламя в печи слабо потрескивало, проживая короткую жизнь. Донеслось шуршание дождя.

– Знаю, что дело во мне. Если бы я постился чаще, молился сильнее, удерживал сердце от недобрых помыслов, не завидовал бы, не гордился, не обманывал... не обманывал.

Монах горько вздохнул.

– Разве не в том была Твоя воля? – повторил он с чувством. – Иначе зачем, зачем из ночи в ночь мне снится тот день в городе Рига? Зачем архиепископ Альберт является мне и повторяет одни и те же слова, которые сказал двадцать четыре года назад: «Это целый мир, и ты спасешь его». Я ведь тогда немало потрудился, ходя по Литве и Налынанам, обращая язычников во времена короля Миндовга. Но в Ятвягии шла война, и я убоился туда идти. И вот – я пришел опять. И я все так же боюсь, Господи! Но я пришел. А если я напрасно обманул русского князя, сам наложи на меня епитимью, какую хочешь, и я смиренно приму все, что случится со мной в последующие дни. Лишь бы свершилась воля Твоя, какой бы она ни была.

Патрик умолк и ясно различил частые равномерные постукивания по древесной кровле. Дождь напомнил монаху о родном острове. Он лег на скамью, закрыл глаза и прежде, чем уснул, прошептал на родном языке:

– Я возложу в эту ночь тело и душу мои на Твой алтарь, милосердный Отче, царь небес. Я возложу в эту ночь тело и душу мои на Твой алтарь, Иисусе Христе, победивший смерть. Я возложу в эту ночь тело и душу мои на Твой алтарь, Дух совершенной истины. Вы сохраните меня от зла в эту ночь. Троица меня защитит, Троица меня оправдает, Троица будет хранить меня этой ночью и всегда...²²

²² Здесь и далее тексты ирландских молитв собраны на основе текстов гэльских молитв, записанных английским фольклористом XIX в. Александром Кармайклом в Западной Шотландии, где среди труднодоступных гор и островов дольше всего сохранялся дух древнего ирландского христианства времен святых Патрика и Колумбы. При этом использовались материалы статьи «Слава Шотландии» протоиерея Андрея Филлипса в переводе Дмитрия Лапы: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Pravoslavie.ru. – Дата доступа: 02.06.2012.

Слово 3: Стегинт

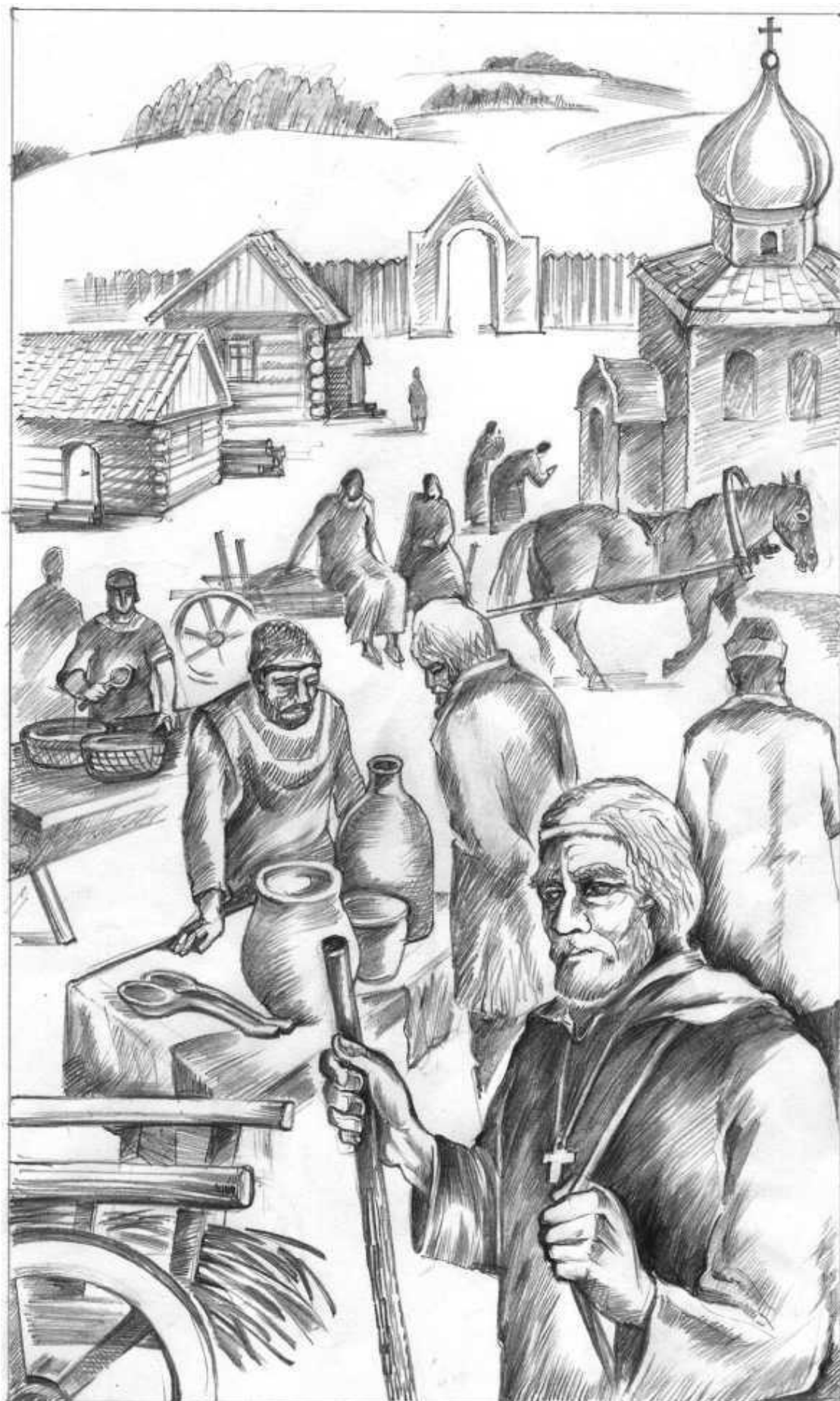
Берестье стоял среди обширных лесов в глубине Волынского княжества на острове между Бугом, Муховцом и узкой протокой. Около сотни дворов. Тесные деревянные избы с хозяйственными пристройками. Улицы, вымощенные продольно расколотыми бревнами. Вокруг острова возвышалась крепостная стена. Около въездной вежи разместился княжий двор. Выше других построек поднималось единственное каменное сооружение – одноглавая церковь Святого Петра. Напротив брамы²³ через протоку перекинут мост, соединявший остров с окольным городом. Его постройки и дворы были просторнее, однако в случае внезапного нападения крепостные стены не могли защитить его жителей.

Город принял странника с далекого запада настороженно. Станный был этот монах. Стрижка что ли у него была не такая? Мужики молча рассматривали гостя, покручивали усы, немногие просили благословения. Бабы косились и перешептывались. Дети нашли забаву отслеживать его передвижения, словно охотясь, но когда монах оборачивался и смотрел на них, пугающе выпучивая глаза, удирали, а он ухмылялся в рыжие усы и продолжал путь. Княжеские люди относились к гостю почтительно – кормили, позволяли свободно передвигаться по городу, но когда он выходил за ворота, за ним следовал кто-нибудь из холопов или дружинников.

В назначенный срок Владимир не принял Патрика. В городе что-то случилось. Женщины голосили, мужики ходили смурые. Ирландец провел день в избушке, читая молитвы. На следующий день он узнал от приходского священника, что где-то в Мазовии погибли тридцать семь людей князя, среди которых было немало берестян. Владимир велел собирать войско и уехал в столицу. Понимая, что оказался в чужом городе в плохое время, Патрик еще день остерегался отходить от избы.

²³ Брама – ворота, преимущественно защитного типа. Старославянское слово, сохранившееся во многих славянских языках, имеет один корень со словом «оборона».

Рядом с речной пристанью разместился небольшой рынок, посещаемый торговцами, путь которых лежал по Бугу, – польскими из Мазовии и русскими из Волыни и Галиции. Гости с запада обычно продавали сукно, ремесленные изделия, оружие, покупали шкуры и кожи, мед, воск. Могли купить хлеба и мяса в дорогу – за еду в этом году платили дорого.

К берегу пристала ладья. Коренастый купец с окладистой бородой сошел на землю, ведя за собой худого босоногого подростка. Веревка стягивала невольнику шею. Обношенная рубаха без рукавов открывала тонкие жилистые руки. Порты едва прикрывали колени. Лицо у него было узкое и загоревшее, темно-русые волосы взлохмачены. Мальчик терпеливо сносил боль и только изредка постреливал исподлобья колючими глазами. Купец остановился посреди рынка, широко расставив ноги, как кряжистое дерево, и, оглядевшись, спросил громким и наглым басом:

– Кто Тита видел?

– Здрав будь, Ярыга, – спокойно сказал ему один из горожан, человек лет сорока, в простой, но чистой одежде.

– И тебе быть здоровым, Борко. Тита ищу.

– Нет его в городе.

– Как это нет?

– Людей спроси, если мне не веришь. В леса ушел на охоту. Когда вернется, Бог весть.

– Да ведь он сказал давеча, что купит у меня ятвяга!

– Зачем ему ятвяг?

– Не знаю, какого черта ему понадобился ятвяг, но я его привез, как договорились! Что мне делать теперь с этим зверенышем? – купец резко дернул веревку. – Покупай ты, раз его нет.

– Успокойся, Ярыга. С тобой Тит договаривался. Не я. С ним и разбирайся.

– Я этого Тита увижу, на дереве подвешу за ноги! Так ему и передай.

– Тогда скорее он тебя подвесит, Ярыга. Не обижайся.

Купец сплюнул на землю и бранно выругался.

– Этот мальчик – ятвяг? – спросил кто-то третий.

Мужики обернулись и увидели монаха в зеленом плаще.

– Ну да... – отозвался торговец, взглядом оценивая латинянина, – ятвяг-злинец, пять лет назад во время последней войны взял. Выносливый. Ест мало.

Патрик приблизился. Мальчик зыркнул на него волчьим взглядом, от которого проповеднику стало немного не по себе.

– Как звать тебя?

Ответа не последовало.

– Он не говорит по-русски?

– Говорит. Но если упрется, не уступит, пока хлыстом не уважишь.

Патрик присел на корточки и, глядя на пленника снизу вверх, заговорил на другом языке. Ярыга и Борко переглянулись, догадавшись, что монах говорит по-ятвяжски.

– Я попробую тебя выкупить. Ты будешь свободен и сможешь вернуться на родину. Но мне нужно, чтобы ты сопровождал меня там, потому что я направляюсь туда же. Мне нужно, чтобы ты помогал мне находить пути, разговаривать с твоими соплеменниками, объяснял их обычаи.

Ятвяг пристально посмотрел на Патрика.

– Ты христианский вайделот?²⁴

– Да, – согласился Патрик подумав.

– Идешь к нам говорить про своего Бога?

– Верно.

– Ты дурень.

– Почему?

– Тебя убьют.

²⁴ Вайделоты – языческие жрецы у пруссов, литовцев и других балтских племен.

– Не похоже, что ты ищешь свободы.
– Если хочешь, заплати за меня. Я пойду с тобой. Но я не буду тебя защищать.
– Этого от тебя не потребуется... – согласился ирландец.
Патрик поднялся и обратился к хозяину:
– Какую цену ты хочешь?
– Тит обещал хороший выкуп, – почесал затылок Ярыга, – гривну серебра²⁵ и тридцать шкурок сверху.
– Ты хочешь продать раба по цене рабыни? – заметил Борко, скрестив руки на груди.
– Да ты посмотри, какие у него зубы! Все на месте. Глянь, жилистый какой! Один раз покормишь, и день будет работать...
– Я дам за него восемь английских монет²⁶, – сказал Патрик.
Ярыга громко расхохотался.
– Двенадцать монет, – согласился ирландец, – больше у меня нет.
– Да я лучше утоплю его здесь перед рынком за то, что он мне столько крови испортил!
– У меня, правда, больше нет серебра, – повторил Патрик, – а у тебя, кажется, больше нет покупателей.
Ярыга прищелкнул языком, посмотрел еще раз внимательно на проповедника.
– Отдашь мне сверх того свой плащ.
Патрик подумал.
– Нет, – покачал он головой, – скоро осень. Холода в этом краю суровые. Я захвораю и умру. Зачем тогда мне раб?
Ярыга тяжело выдохнул, подумал еще и кивнул. Патрик снял пояс, распорол подкладку и достал последние двенадцать монет из тех сорока, что взял месяц назад в дорогу.
– Он сбежит от тебя, – предостерег Борко монаха.
Торговец покосился, но промолчал. Ирландец отдал деньги. Борко удалился, сказав что-то на ухо стоявшему неподалеку дружиннику. Купец пересчитал монеты, подбросил несколько раз на ладони – серебро заблестело на солнце. Опустив деньги в калиту на поясе, Ярыга подтолкнул мальчика к новому хозяину, развернулся и пошел к кораблю. Торговая ладья отошла от берега.
Патрик протянул руки, чтобы снять веревку, мальчик отшатнулся.
– Не бойся! – убедительно сказал Патрик. – Ты голоден? Иди за мной.
Он отвел отрока в поварню и отдал ему свой обед. Голодный ятвяг накинулся на похлебку.
– Скажешь наконец мне свое имя? – спросил Патрик.
– Стегинт.
– Будешь носить мою суму, Стегинт...
Стоило Патрику потерять ятвяга из виду, как тот сбежал. Это было бы сносной потерей, но беглец унес суму проповедника.

В тот день Владимир Василькович вернулся в город и призвал ирландского священника. Патрик поспешил в княжие покои. Владимир сидел, наклонившись вперед, опершись на колени ладонью одной и локтем другой руки. На его лице читалось напряжение, глаза холодно блестели. Рядом с троном в богатой боярской одежде стоял Борко.

– Ты все еще хочешь умереть в Ятвягии? – спросил Владимир.
– Я все еще хочу проповедовать ятвягам, – подтвердил Патрик.

²⁵ Гривна серебра весила около 204 граммов серебра. Такова же была средняя цена раба (рабыни стоили дороже). Во время войн, когда появлялось много пленников и предложение превышало обычный спрос, бывало, что цены падали в десять раз и даже больше.

²⁶ Пенни (пенс) – средневековая монета Англии. В 1179 г. – 1,45 граммов серебра.

– Я пушу тебя к ним, но прежде ты честно исполнишь мое поручение. Тебе известно, что произошло под Пултуском?

– Я слышал об этом.

– Скажи, как должно поступить князю, люди которого безвинно погибли в чужой земле?

– Тебе должно призвать всех священников твоей земли молиться об упокоении их душ.

– А скажи, как должно поступить с разбойниками? Не должен ли я наказать их?

– Это твое право, – признал ирландец.

– Вот, – Владимир возвел кверху брови и поднял перст, – это случилось в земле Конрада Мазовецкого. Мои полки готовы к войне. Я могу отдать приказ сегодня, и через день они вступят в пределы Мазовии, мстя за гибель моих людей. Но я не до конца уверен в вине Конрада.

Никто из моих людей не выжил, и нет ни одного живого свидетеля. Не хочу, чтобы напрасно пролилась христианская кровь. Мое посольство отправится в Черск²⁷. Может случиться, что Конрад испугается и начнет отпираться. Поэтому мне надо, чтобы ты был там и смотрел внимательно. Поляки – твои единоверцы. Поговори с монахами и священниками при дворе. Узнай правду. Если честно исполнишь свое дело, получишь награду и разрешение на проповедь в Ятвягии.

Патрик закрыл глаза и глубоко вздохнул.

– Я не могу дать тебе времени на раздумье, – сказал Владимир, – решай здесь.

– Я выполню твою волю.

– Добро, – кивнул князь и посмотрел на Борко, – отправляйтесь сегодня. Солнце еще высоко, – потом снова обратился к Патрику, – я буду ждать вестей от тебя три недели. Потом начну войну.

У избы Патрика ждал молодой дружинник из городской стражи. Он привел беглеца с краденными вещами. Стражника это приключение развлекло, и он от души смеялся. Патрик холодно посмотрел на Стегинта, взял свои вещи и ушел в избу, показывая, что не собирается его сторожить.

Полчаса спустя монах вышел. Стегинт сидел на пороге и безучастно смотрел куда-то. Ирландец сел рядом.

– Мой путь изменился. Мне надо отправляться в другую страну и пробыть там какое-то время. Потом, возможно, я смогу пойти в Ятвягию. Я не принуждаю тебя сопровождать меня. Ты волен идти, куда захочешь.

– Если уйду один, меня опять схватят?

– Возможно.

– А ты будешь меня кормить, пока мы не дойдем до моего леса?

– Я буду делиться с тобой всем, что будет у меня.

– И ты расскажешь мне, что за люди... сидят в твоём мешке?

– Люди в моем мешке?

Патрик достал книгу и обеспокоенно осмотрел ее, чтобы убедиться, что маленький дикарь не повредил переплет. Стегинт настороженно косился на проповедника. Он не чувствовал за собой вины, но видел, что Патрик сердится.

– Это ты, ты сам дурень, что дал мне носить твой мешок, – оправдался ятвяг на всякий случай, чтобы чужеземец на него не злился.

– Пожалуй. Но если ты еще раз назовешь меня дурнем, я не буду тебя кормить. И не возьму с собой. И не расскажу... что за люди сидят в моем мешке.

²⁷ Стольный город Конрада в полуденной Мазовии.

Слово 4: Болеслав

Сухой путь от Берестья до Черска был короче речного. Хороший гонец с поводными конями смог бы преодолеть его от восхода до вечерни. Обычным путникам на это путешествие требовалось три полных дня.

Четверо всадников – Стегинт сидел за спиной у Патрика – выехали из Берестья вечером, до ночи успели переправиться через Буг, проехали несколько поприщ и заночевали в небольшой деревне. Утром продолжили путь.

В полдень, чтобы переждать жару, сделали привал в березовой роще на берегу озера. Отвыкший от седла ирландец был рад каждой остановке. Стегинт легко спрыгнул с лошади. Видя, с каким трудом спускается Патрик, ятвяг сплюнул. Чужеземный вайделот раздражал его, но он, по старой привычке, готов был повиноваться, как повиновался прежнему хозяину.

– Отпусти меня искупаться.

Патрик отмахнулся, привязал коня к дереву и попытался присесть, но вместо этого грузно и неуклюже приземлился на траву. Он выдохнул и смущенно огляделся. Борко с Рахом, боярским сыном, сидевшие чуть поодаль, были заняты разговором, а третий спутник, имя которого было ему неизвестно, почти всегда молчал.

Стегинт вошел в воду, не снимая легкой одежды, поплыл и нырнул так, что голые ступни некоторое время болтались над поверхностью, вынырнул, опять нырнул. Его ловкое тело передвигалось в воде легко и быстро.

– Лехиты²⁸ любят хвалиться, нет более гонорливого народа, чем лехиты! – доказывал Рах. – Если нападение совершили люди Конрада, мы узнаем об этом, как только явимся к его двору.

«Никогда больше не буду ездить верхом, – зарекся ирландец, – апостолы пешком ходили. И святой Патрик пешком исходил Скоттию²⁹. Как иначе узнать землю, по которой ходишь?»

²⁸ Лехиты, ляхи – поляки.

²⁹ Изначально Скоттией (Шотландией) называлась именно Ирландия.

Вспомнив, что не дочитал утреннее правило, он достал четки и попытался сосредоточиться на молитве. Слабый ветер покачивал березы, и солнце то слепило обращенные к небу старые глаза, то скрывалось над полупрозрачной тонкотканой листвой, переливающейся, как чешуя изумрудного дракона. Солнечные блики играли на разноцветных четках. По ладони полз муравей. Голоса умолкли. Ничто не нарушало шелестящую тишину полуденного летнего леса, кроме редких всплесков воды у берега. Патрик закрыл глаза, чтобы благостная красота внешнего мира, обволакивающая душу, не мешала проникновенной молитве.

Когда веки монаха вновь открылись, все вокруг казалось прежним, только дневной свет был не таким ярким, и невнятная тревога коснулась сердца. «Стегинт», – дошло вдруг до его сознания. По поверхности озера медленно расходились круги. Мальчика не было ни в воде, ни на суше. Несмотря на усталость, Патрик быстро поднялся с земли. Он еще медлил, вглядываясь в блестящую озерную рябь и ожидая, что голова подростка появится над водой, но ничего не происходило.

– Где Стегинт? – встревоженно произнес он вслух.

Борко пожал плечами.

– Нырнул, – безразлично отозвался Рах.

Они не двинулись со своих мест, но разговор прекратился. Третий спутник жевал травинку и, шурясь, внимательно смотрел по сторонам. Патрик снял с плеча суму, бросил ее на землю и, не снимая сапог, вошел по колено в озеро, замочив полы плаща.

– Стегинт! – крикнул он громко, затем опять обернулся. – Помогите же!

Послы переглянулись. Борко поднялся, но не сошел с места. Патрик пошел дальше. С каждым шагом дно опускалось и идти становилось труднее. Когда вода поднялась до подбородка, он вдохнул и опустил голову. Озерная муть едва просматривалась и резала глаза. Монах выпрямился, чтобы набрать воздуха и по-настоящему нырнуть, и тут до его слуха донесся смех. Он обернулся и увидел на берегу рядом с послами Стегинта.

Спотыкаясь и падая, униженный проповедник выбрался на сушу. Спутники продолжали смеяться, не сдерживая веселья. Ятвяг согнулся, держался одной рукой за живот, а другой показывал на Патрика. С потяжелевшей одежды монаха ручьями стекала вода. Он поднял глаза и с грустью посмотрел на людей.

– Доброе ли дело смеяться над старым человеком? – спросил он тихо, и в его голосе не было упрека, а только печаль. – Или вы думаете, старость обойдет вас стороной?

Ирландец отвел глаза, словно стыдясь чужой наготы, подобрал суму и медленно побрел к лошади, ставшей из главного врага единственным другом. Путники притихли. Каждый смотрел в свою сторону. Стегинт присел и стал ковыряться в прибрежном песке.

Утром четвертого дня посланники Владимира достигли Черска – небольшого города на левом берегу Вислы. Дворец находился в крепости. Вельможа Конрада ответил послам, что князь уехал на охоту, и сказал ждать на постоялом дворе.

Над входом в корчму висел лосиный череп. Потемневшие от копоти дубовые стены, покрытые шкурами, освещало открытое пламя и несколько лучин. Посетителей было немного. Хозяин поставил на стол чарки питного меда и положил белый хлеб. Гости ели молча. Сидевший за соседним столом усач в добротной немецкой одежде, широкий и в плечах, и в животе, поднялся и, покинув товарищей, направился к русинам.

– Не будут ли возражать любезные паны, если пан Войтех сядет с ними за один стол?

Борко жестом пригласил его. Усач обстоятельно усадил на скамью свое грузное тело. Его благодушное румяное лицо округлялось, когда он улыбался. В глазах блестел лукавый огонек.

– Какое-то чутье подсказывает мне, что паны прибыли из России. А чутье редко обманывает пана Войтеха.

– Мое имя Борко. Я посол русского князя. Со мной мои спутники.

Войтех с достоинством покрутил ус.

– Что ж. Если паны не откажутся выпить за здоровье князя Конрада, мне ничто не мешает поднять чарку за здоровье вашего князя. Всем известно, что князь Лев – храбрый воин! Паны изволят улыбаться? Верно, паны прибыли не из Галиции от князя Льва, а из Волыни от князя Владимира? Как же я сразу не понял! Что ж, все знают, что князь Владимир – мудрый книжник и добрый христианин. Яцек, идите к нам! Хозяин, налей всем меда!

Патрик заметил тень, пробежавшую по лицу Раха. Сидевшие за столом осушили чарки, и корчмарь принес еще.

– Волынь – знатная земля, – продолжил Войтех, – есть красивые города. И девицы! Не такие, конечно, как дочери лехитов, но тоже ладные. Много хороших лесов, и зверь водится. Кто же по доброй воле захочет покидать такой край ради превратностей долгого пути? Не иначе, как панов привело в Черск важное дело?

– Так и есть, – подтвердил Борко.

– Уж не беда ли под Пултуском?

– Пану что-то известно об этом?

– О, это темная история, – многозначительно вздохнул Войтех.

– Темная?

– Никто не знает, что там произошло.

– Никто?

– Пан посол, наверно, любит повторять слова. Я так отвечу: никто из сидящих здесь, если только кто-то не знает больше, чем хочет показать. И пусть панов не удивляет, что я называю эту историю темной. Ведь известно, что ладьи хорошо охранялись.

– Мы уверены, что князь Конрад даст нам честный и полный ответ, что случилось в его земле.

– На то он и князь. Нам-то он об этом ничего не рассказывал. Я верю, что наши князья уладят все миром. Ведь известно, что князь Владимир – добрый христианин.

– Князь Владимир не только добрый христианин, – заверил Рах, – но и храбрый воин.

– Да, храбрый... – согласился, было, поляк, но тут лицо его расплылось в какой-то смущенной улыбке, словно ему было стыдно за гостей, он отвел глаза и потер брови, – эх... хозяин, принеси еще меда! Да, правда, русины храбры – как храбры чехи, венгры и многие славные народы. Но все познается в сравнении, и если говорить по чести, вы, русины, за все времена никогда не побеждали нас, лехитов, в открытом бою.

– Как это? – желваки на лице Раха напряглись, ноздри расширились.

Тяжелая рука Борко вовремя легла на плечо молодого боярина. Стегинт понимал польскую речь через слово и следил за выражениями лиц. Поляк, не теряя ни капли благодушного спокойствия, развел чуть в стороны лежащие на столе пухловатые ладони, и на его уютном лице отразилось нечто сродни сочувствию.

– Уж пусть молодой пан поверит, – кивнул он, вздыхая и глядя усы, – пан Войтех знает, о чем говорит. Было, впрочем, однажды, когда русины, применив хитрость, едва не одержали победу! Можно даже сказать, они почти победили в тот раз. Но, право, не знаю, понравится ли русским панам этот рассказ.

– Почему же нет? – спросил Борко.

Все посетители корчмы – с дюжину человек – пересели поближе, предвкушая любопытное повествование. Даже хозяин отложил свои дела.

– Это было во времена великого нашего короля Болеслава Кривоустого³⁰, – начал Войтех, – то есть по титулу он был князем, но все мы знаем, что по храбрости и мудрости достоин был называться королем.

³⁰ Болеслав III Кривоустый правил в Польше в 1102–1138 гг.

Лехиты одобрительно загудели.

– Русины тогда изгнали из Галиции своего князя, который бежал искать защиты у нашего Болеслава. Они смертельно боялись вторжения Болеслава. Его натиск они сравнивали с ударом молнии. Зная, что не могут победить его оружием, они сговорились с венграми и решили победить Болеслава безбожной хитростью. Многие знатные бояре русинов прибыли ко двору Болеслава, уверяя, что все их королевство и они сами с детьми готовы припасть к стопам Болеслава, приютившего их князя.

Так же поступают и венгры, лукаво притворяясь, что скорбят об участи изгнанника. Те и другие присылают полки, чтобы помочь восстановить законного правителя. И вот обманутый в своем искреннем доверии Болеслав выходит в поход с малым войском лехитов, а также полками русинов и венгров в придачу. Когда он вступает в Галицию, его взору открываются бесчисленные ряды врагов. А те русины и венгры, что пришли с ним, коварно спешат стать в задние ряды его войска, чтобы с началом битвы ударить в спину. Молча наблюдая за этим, Болеслав переговаривается со своим воеводой, разгадав жестокий обман. Сходятся ряды! Копья грозят копьям! Кричит Болеслав: «Смело сражайтесь, мужи! Не убегайте с ратного поля лениво!»

– Храбро дерущийся враг заставляет храбро сражаться! – воскликнул Яцек строкой из какой-то поэмы, и все поляки в корчме дружно загудели, поддерживая его.

– Верно! – подтвердил хозяин, подливая меда.

Войтех отхлебнул, утер усы и продолжил:

– Один муж из дружины нашего короля, знатный по крови, но низкий душой, первым бежал с поля боя. Его позорное бегство не только не отняло победу у победоносного Болеслава, но и отвело облако от самой победы, или, как правильное сказать, солнцем осветило солнце! И хотя до наших дней часто можно было слышать много слов о неподдающейся оценке доблести Болеслава, однако только теперь, когда она явственно обнаружилась, в нее поверили и венгры, и русины. Конь его пал, утомленный ратным трудом и получив ранения, а Болеслав пеший сражается и рушит врагов. И наконец, воины Болеслава, – рассказчик поднял указующий перст, – не побежденные, но утомленные победой, уходят вместе со своим славным князем с поля битвы, других же, усталых от сражения, враги берут в плен и уводят, к огорчению Болеслава. О, коварство! Столько воинов попали в плен, что хотя лехиты для выкупа своих пленных и положили все сокровища в виде золота, серебра и драгоценных камней и даже те ценности, которые еще в древние времена были собраны и сохранялись в Польском королевстве, однако их не хватило для выкупа. Многие знатные воины были проданы язычникам в Литву, Пруссию и Ятвягию и там закончили свою несчастную жизнь³¹.

Многие вздохнули, кто-то перекрестился, Войтех поднял глаза и, окинув присутствующих проникновенным взглядом, произнес:

– Но напрасно некоторые из венгров и русинов хвастались и, не будучи победителями, пользовались именем победы! В войне мужей не тот победил, кто перехитрил, а тот, кто явил отвагу и доблесть!

– Верно! – воскликнул Яцек, громко стукнув чаркой по столу, и еще несколько голосов поддержали его.

От меда у Стегинта кружилась голова. Он опустил глаза и заметил, что правая ладонь Раха сжимает рукоять меча. Чувствуя, что вот-вот начнется неладное, он набил в рот побольше хлеба и поспешил допить мед. При этом часть напитка пролилась на стол. Тут ятвяг понял, что отвлек на себя внимание собравшихся.

– Брат, нельзя наполнить полный бочонок, – сочувственно заметил Патрик.

Все громко рассмеялись.

³¹ Данное описание воспроизводит близко к тексту главу 30 Великопольской хроники.

В этот же момент дверь корчмы отворилась, и вошедший герольд объявил, что князь Конрад ждет русских послов.

Слово 5: Конрад

Загудели длинные трубы. Привратники распахнули высокие двери тронной залы княжеского дворца, статные стражи с секирами и обнаженными мечами расступились. Послы приблизились к высокому трону под пурпурным балдахинном. На нем сидел человек, облаченный в короткий темно-багряный плащ. Лицо узкое, приятное. Верхняя губа прикрыта усами. Волосы острижены коротко. Вдоль длинных стен стояли бояре. Иные из них разodelись богаче своего правителя. Борко сделал шаг вперед, протянул верительную грамоту, и герольд зачитал ее.

– Для нас великая радость принимать у себя слуг отца³² моего Владимира, – объявил король.

– Князь Конрад, брат твой Владимир приветствует тебя и желает тебе здоровья, – объявил Борко.

– Передай отцу моему Владимиру – пусть годы его будут долгими и радостными. Говорите и не бойтесь, потому что здесь вы под покровом моей защиты.

– Увы нам, если так, – сказал Борко, и на какое-то время над тронной залой нависла злая тишина.

– Что любезный пан хочет сказать этими словами? – спросил Конрад.

– Разве люди моего князя, погибшие под Пултуском, не были также под твоей защитой?

– Над ними совершилось злое убийство, – продолжил Борко, – не убийство это даже, но живодерство. Князь Владимир говорит тебе так, Конрад: если ты это сделал, объяви об этом и открой, в чем была их вина?

По палате прокатился ропот. Конрад поднял руку, заставляя мазовецких вельмож замолчать.

– Скажи моему отцу князю Владимиру так: я к убийству его людей не причастен.

Борко возвысил голос:

³² «Отец», «брат» – условности дипломатического этикета того времени.

– Так говорит тебе брат твой Владимир: под твоим городом перебиты мои люди: либо по твоему слову, либо, – кого-то другого. Ты ведаешь всюю своею землею, скажи.

– Скажи отцу моему Владимиру так: не убивал и другого не знаю, кто убил, – повторил Конрад.

Наутро, позавтракав и снарядив коней, послы покинули Черск. Расставаясь с проповедником, Борко напомнил:

– Владимир будет ждать вестей. Не теряй времени: осталось восемнадцать дней.

Борко поставил ногу в стремя. Оба его спутника были уже в седлах. Боярин достал из-под плаща мешочек с серебром и бросил его монаху.

– Это тебе на прокорм и чтобы легче было развязывать языки.

– Подскажи, с чего мне начать? – спросил Патрик.

– Сам решай, – пожал плечами боярин, – мы свое дело сделали – нам осталось передать Владимиру ответ Конрада. Бог тебе в помощь.

Было воскресенье. На главной площади, в костеле, выложенном из тесаного камня и покрытом свинцовой кровлей, шла служба. Набожные горожане не поместились в храме. Много народа стояло снаружи. Через храмовый портал доносилось плавно льющееся хоровое пение на латыни.

– Я должен посетить храм. Пойдешь со мной? – спросил Патрик.

– Зачем? – поморщился Стегинт.

– Смотреть и слушать.

Отрок не ответил. Он не боялся быть зачарованным христианскими вайделотами. Но место, где собиралось так много людей, пугало его.

– Ладно, – кивнул Патрик, прочитав ответ на его лице, – как думаешь, я опять буду дурнем, если оставлю тебя сторожить лошадь?

Ирландец взял суму, передал мальчику поводья и направился к храму. Оставшись на открытом месте посреди чужого города, ятвяг испытал неприятное чувство. Он прислонился спиной к деревянному столбу и, не выпуская узды, смотрел по сторонам, повторяя про себя заклинание, чтобы никто не приблизился. Прошло немало времени, прежде чем вдали опять показался зеленый плащ Патрика, и Стегинт впервые обрадовался этому человеку. В руках Патрик нес сверток серого сукна.

– Обычно на этом месте порют воров и прелюбодеев, – небрежно заметил Патрик.

Стегинт отпрянул от столба.

– Надень, – сказал проповедник, разворачивая плащ.

– Зачем? – воскликнул Стегинт с отвращением.

– Пусть думают, что ты мой ученик.

– Мне будет жарко в этом.

– Зато тебя не сделают опять рабом.

– Андай!³³ Андай-Андай-Андай-Андай...

– Что за «янда»? – не понял Патрик.

Кривясь и бормоча ругательства, Стегинт выполнил требование. Видимо, прежний владелец был выше ростом – плащ волочился по земле. Но если правильно препоясаться и ходить не спеша, можно было не спотыкаться. Облачившись в одежду христианских вайделотов, ятвяг при всей отвратительности произошедшего, ощутил странное чувство собственной значимости, хотя и старался не подавать виду.

– Это платье не такое, как у тебя, – заметил он, немного успокоившись.

³³ Языческий божок балтских народов, к которому зывали в состоянии великого расстройства или смятения.

– Такое, как у меня, в этой стране не найти. Может, ты хотел бы себе черный плащ? Тогда тебе пришлось бы изображать из себя умного доминиканского монаха, знатока богословия и разъяснять встречным людям догматы, глубины писания и церковного предания. Кажется, ты не совсем понимаешь, о чем я толкую. Если же ты хотел себе белый плащ, тебе пришлось бы стать августинцем – образцом смирения, чистоты и святости. Мне подумалось, с этим у нас тоже туго. А вот явить пример бедности как раз для тебя. Поэтому плащ серого цвета – будешь миноритом.

– Что еще я должен уметь?

– Хорошо, – одобрил Патрик, – иногда делай такое движение. Видишь? Ладонь держи так... расслабь руку... сначала это плечо... да. Это крестное знамение. Веди себя, как обычно. Но не смотри людям в глаза. Всегда молчи, если я не повелю говорить. Если кто-нибудь попытается с тобой заговорить, прикладывай ладонь к устам – вот так. Люди будут думать, что ты несешь обет молчания.

– Чей обед?

Чтобы растолковать, Патрику пришлось перейти на ятвяжский язык.

В отличие от ятвяга ирландец чувствовал себя уверенно в этом краю. Поляки были его единоверцами. Двери многочисленных монастырей и храмов открывались перед ним, как если бы он был членом одной большой семьи. Он понимал польское наречие, а в случае нужды при общении с духовными лицами мог перейти на латынь.

В костеле Патрику удалось узнать кое-что о князьях Мазовии. Конрад и его младший брат Болеслав осиротели рано. Во времена литовского короля Миндовга литовские разбойники, пройдя болотными тропами через ятвяжские леса, напали на Мазовию, захватили в плен и убили их отца – князя Земовита.

Сначала Конрад и Болеслав вместе управляли княжеством с помощью бояр. Они жили в любви, помышляя лишь о том, как сохранить наследственное владение, не став жертвой воинственных соседей и алчных до власти родичей. Но шли годы, Земовитовичи укрепились, возмужали, и двум молодым князьям стало тесно на одном троне. Они договорились о разделе Мазовии. Западная часть княжества со столицей в главном и самом большом городе – Плоцке досталась Болеславу. Восток взял Конрад. Свой двор он разместил в Черске.

Прошло еще пару лет, и каждому из братьев уже стало мало своей половины. Редко встречаясь, окруженные разными советниками, они испытывали друг к другу все меньше братской любви, и все более отчетливая неприязнь наполняла их души. Они еще не решались открыто взяться за оружие, но каждый знал, что второй строит козни, и уже никто не мог вспомнить, кто начал первым.

Их дядя, старший в роду главный польский князь Болеслав Стыдливый, державший во власти всю Малую Польшу – Краков и Сандомир, невзлюбил Конрада. В любом споре он всегда занимал сторону тезки – младшего Болеслава. Конрад, конечно, знал об этом, как знал и то, что при его дворе немало бояр под почтительными личинами и со слащавыми улыбками на устах тайно пересылаются с его родичами.

Небольшой монастырь был огорожен частоколом и окружен неглубоким рвом. Патрик постучал в дверь железным молоточком. Ворота отворил невысокий монах в темноту плаще с остроконечным капюшоном. Другой поспешил оповестить аббата. «Я теперь как один из них», – думал про себя Стегинт, стараясь вести себя так, как велел ему Патрик.

От ворот к храму и кельям вела дорожка. По сторонам от нее стояли скамьи и раскинулся яблоневый сад. Здесь гостям предложили подождать. Патрик присел, достал четки и закрыл глаза.

– Что мне делать? – спросил Стегинт.

Патрик не ответил, и ятвяг отошел в сторону. Видя, что монахи вокруг не обращают на него внимания, он почувствовал себя свободнее. Кто же будет бояться теней? Тогда он принялся рассматривать монастырские строения.

Храм с закруглявшейся кирпичной стеной³⁴ походил на огромный красно-коричневый пенёк, к которому сбоку приросли другие, поменьше. Шаг за шагом Стегинт приблизился ко входу и сам не заметил, как оказался в арочном проеме на краю света и сумрака. Изнутри повеяло прохладой и сыростью, но любопытство затягивало его все глубже. Еще шаг – и он под древним сводом. Босая ступня ощутила холод отшлифованной каменной плиты, на которую за последнюю сотню лет ступало столько ног. Глаза медленно привыкали. Темные кирпичи стен разделялись полосами серой извести. У самого входа поднималась до пояса каменная ступа с неглубокой выемкой, наполненной водой. Стегинт отпил немного. Маленькие оконные проемы под сводом пропускали бледные пучки дневного света. Ладонь коснулась колонны, вырастающей из пола, словно ствол дерева. Выпуклые рисунки на ней имели сходство с теми, что Стегинт подсмотрел в книге Патрика. Ятвяг приблизился к другой колонне – она была гладкой. За ней в нише чернел крест с распятым человеком. Неподалеку – какая-то фигура из светлого камня. Красивое девичье лицо. Ладони благоговейно сложены. Стегинт долго не мог оторвать глаз. Еще один силуэт в тени стоял к нему спиной – тоже в молитвенной позе, но лица не было видно. Ятвяг дотронулся, чтобы убедиться, что это не живой человек, но молящийся обернулся и посмотрел на него. Во мраке белки его глаз казались глазами демона. Стегинт негромко вскрикнул. Эхо захватило и унесло его голос под свод. Сверху донеслись хлопки крыльев. Отрок отскочил, отдернув руку, словно обжегся, и выбежал наружу.

Солнечный свет ослепил и заставил зажмуриться. Когда глаза открылись, вокруг опять был сад. Стегинт обернулся, глядя на темный портал храма. Оттуда вышел старый сгорбленный монах. При свете дня он не казался таким страшным, как в сумраке под храмовым сводом. Другой монах поднес ему посох. Старик махнул Патрику. Ирландец приблизился, и они расцеловались, как старые друзья. Неспешно прогуливаясь, они пошли по тропинке через монастырский сад. С дерева в траву глухо упало яблоко. Стегинт поднял плод и вгрызся зубами в сладкую сочную мякоть.

– Кажется, я знаю о тебе, брат, – сказал настоятель Патрику, – ты прибыл с русскими послами.

– Моя задача – узнать о причастности Конрада к гибели людей русского князя, – сказал Патрик, – если мое путешествие завершится так, как мне того хотелось бы, это спасет Мазовию от войны, а мне позволит отправиться в Ятвягию для обращения язычников к вере Христовой.

– Твои цели чисты. Но, по правде сказать, я не понимаю, как помочь тебе.

– Святой отец, мне открылось, что духовник Конрада обитает в стенах этого монастыря. Старый аббат бросил на гостя короткий взгляд.

– Зная обычаи князей и королей, – продолжил Патрик, – я думаю, вы и есть этот человек. А то, что вам известно о нашей миссии, еще больше утверждает меня в этой мысли.

Аббат остановился не поднимая глаз.

– Я не покушаюсь на тайну исповеди, – заверил Патрик, – но, может, как человеку, близкому ко двору князя, вам открылось что-то важное, что было сказано не при совершении таинства.

Аббат огляделся по сторонам и снова посмотрел на Патрика.

– Я так отвечу тебе, брат: Конрад не причастен. Не пытай меня дальше, иначе ты будешь искушать меня преступить законы, установленные не на земле и отвечать по которым придется в вечности. Я не сказал бы и этого, если бы не понимал, как много положено на чашу.

³⁴ Храмы-ротонды были распространены в королевствах Средней Европы – Венгрии, Чехии и Польше, земли которых некогда входили в Великую Моравию.

– Святой отец, можно ли думать, что послать убийц мог кто-то из ближайших князей – родственников Конрада?

– Болеслав Стыдливый – набожный правитель, хоть и не любит нашего князя. Что до младшего Болеслава, о нем мне трудно судить. Месяц назад он посетил Пултуск, не испросив разрешения брата. Ведет себя, словно Мазовия по-прежнему – общее владение. Стражи города не отважились закрыть перед ним браму. Куда он направился потом, неизвестно. Еще был некий знак, который как бы показывает на него. В те дни под Плоцком увидели русскую ладью, и говорят, это был призрак. Да. Не удивляйся, мой брат, и не думай, что старик сошел с ума. Корабль подошел к пристани в сумерки, но из него никто не сошел на берег, а наутро его уже не видели.

– Может, это и была одна из тех ладей?

– Нет. Корабли потопили под Пултуском – в том месте, где на них напали.

– Тогда, может, под Плоцком видели какую-то другую русскую ладью?

– Я бы тоже так подумал. Но то была не торговая, а княжеская ладья. И это не единственное чудо. Были знамения. Многим снились вещие сны. Давно умершие родственники являлись и предупреждали об опасностях. Еще говорят, люди в окрестностях Пултуска видели мертвецов, вышедших из могил и бредущих по лесу...

Ночевали в маленькой келье за храмом с двумя кирпичными и двумя деревянными стенами. Узкое оконце против входа, сено вместо лежанки. Патрик зажег лампаду, достал из сумы странный крест с кругом в середине, закрепил его основание в щели меж камнями, стал на колени и молился.

Стегинт казался задумчивым.

– Там такие же рисунки, как в твоей книге, – сказал вдруг ятвяг.

Ирландец прервал молитву, неспешно перекрестился и обернулся к отроку.

– Где?

– В храме.

– Ты был внутри?

– Да.

– Тебе понравилось?

– Да.

– Что именно понравилось?

– Там – как в лесу.

– Странная мысль. Давно тебя забрали из твоего леса?

Ятвяг не ответил.

– Ты скучаешь?

Ответа не последовало.

– Я знаю, каково это – тосковать по родине.

Ятвяг нахмурился. Патрик оставил его и вернулся к своим занятиям. А Стегинт унесся мыслями в тот мир, который потерял и в который он не собирался пускать чужого человека. Он увидел старые сосны, покрытые мхом белесо-зеленого цвета. Торчащие из земли трухлявые рога умерших деревьев и тут же их рухнувшие тела, уже захваченные густой зеленью. Настороженная морда мохнорогого лося вдали за ровными стволами. Высокие папоротники. Вечернее солнце, насквозь пронизывающее светом недра хвойного леса. Громадные зубры, стадом пасущиеся на открытом лугу у реки, к которым лучше не подходить близко, особенно в это время года в конце лета. Корни, подмытые водой, протоки меж островков, ряска, густо покрывшая водную гладь...

Потом Стегинт увидел девушку в подранной мальчишеской одежде. Увидел ясно, будто живую. Она с трудом пробиралась через густые заросли. Одну руку вытягивала вперед, а дру-

гую согнула в локте и прикрывала верхнюю часть лица, чтобы ветви не били по глазам. Она обессилела и едва ли видела, куда идет. Если бы на ее пути стал хищный зверь, она бы не заметила его. Под ногами хлюпала вода. Раздался всплеск, и девушка в один миг провалилась по самый пояс в смолянистую жижу. Она пыталась дотянуться пальцами до ближайших ветвей, но не могла. Вода медленно подступала к лицу. Жадная болотная пасть засасывала ее тело. Она вскрикнула.

Стегинт открыл глаза. Он чувствовал прохладу на спине от проступившего пота. Видимо, он спал недолго. Лампада горела. Патрик бодрствовал, но уже не молился. Он склонился над обломком каменной плиты и передвигал разноцветные бусины, которые снял с четок.

– Что ты делаешь? – спросил Стегинт.

Патрик не заметил, как ятвяг оказался у него за спиной, но не показал удивления.

– Ты готов задавать вопросы, но не готов отвечать на них. Да?

Молчание.

– Что я делаю... пытаюсь решить задачу. Ты ведь уже знаешь, зачем я в этой стране?

– Если ты гадаешь, я могу помочь тебе. Я умею гадать по птицам.

– Я христианин. Мне нельзя заниматься гаданием.

– Если ты попросишь меня, я сам все сделаю.

– Я не могу прибегать к такой помощи. Это лукавство.

– Тогда что ты делаешь с этими камушками?

– Думаю.

Ятвяг посмотрел на проповедника с недоверием.

– У меня осталось семнадцать дней, за вычетом тех, что уйдут на обратный путь. Поэтому мне придется мало спать и много думать. Если хочешь, давай подумаем вместе.

Стегинт уселся напротив.

– Что ж, давай посмотрим, что мы знаем. Из Берестья вышло два корабля с зерном, которое русины должны были продать твоим соплеменникам. На кораблях было тридцать семь человек – опытных вооруженных мужчин. Целая маленькая дружина. Их всех перебили. Как тебе кажется, могли это сделать простые разбойники, которые бродят по лесам и грабят на больших дорогах зазевавшихся торговцев?

– Нет-нет.

– И мне так кажется. Значит, это большая сила – такая, какая есть только у имеющих власть.

– Верно, – согласился ятвяг.

– Значит, мы можем очертить круг.

– Какой круг?

Патрик сгреб бусины в ладонь.

– Нападение совершено около Пултуска на полночном западе Мазовии. Какие власти могут достичь этой земли? Оказывается, не так уж и много. Я насчитал восемь.

Патрик еще раз смахнул рукавом пыль и положил на край плиты бусину рубинового цвета.

– Прежде всего, Конрад. Пултуск в его владениях. Он знал, где и когда пройдут корабли. Ничто не мешало ему устроить засаду. Он первый, на кого все подумали. Для многих его вина очевидна, но сам он отрицает ее. Именно из-за этой очевидности есть причина усомниться. Разве он не понимал, что подумают на него? Если он это сделал, либо он совсем дурень... – не смейся, я тоже иногда произношу это слово, когда речь идет о других людях, – либо... либо он хитер, как Дьявол.

– А кто такой...

Ирландец приложил перст к устам. Потом перекрестился.

– Вот это слово мне не следовало произносить. Это самое запретное имя и самое страшное существо, какое есть во вселенной. Не надо лишний раз делать так, чтобы он нас слышал. Не повторяй моей глупости.

Ятвяг покосился, наблюдая, как замерцал огонек лампы. Когда опять стало светло и он опустил глаза, на противоположном краю плиты уже лежала бусина цвета измарагда.

– Кто это? – спросил Стегинт заговорщицким шепотом.

– Владимир Василькович...

– Сам убил своих людей?

– Не думаю. Но знаешь, в этом мире случается такое, что и вообразить трудно. Ну, положим, он искал повод для войны с Конрадом? Или была иная причина, которую мы не можем помыслить...

Патрик выложил на плиту сразу две бусины по краям от красной – пурпурную и рыжую, подобные аметисту и янтарю.

– Родичи Конрада: два Болеслава – дядя и брат. Их владения близко. Особенно младшего Болеслава. Их люди говорят по-польски, и они прошли бы по владениям Конрада так, что никто бы не обратил внимания. Оба не любят Конрада. У обоих двойная выгода – обогатиться разбоем и натравить на Конрада Владимира. К тому же Болеслава видели в Пултуске, а в его столице Плоцке видели русскую ладью...

Синий шарик, подобный сапфиру, лег между измарагдом и аметистом.

– Еще один брат. Только теперь стрычный³⁵ брат Владимира – Лев. Сын великого Даниила³⁶. Воинственный. Честолюбивый. Властный... Его княжество лежит в Угорских горах³⁷, за которыми начинаются теплые страны...

Патрик пригладил бороду, раздумывая. Потом раскрыл ладонь и Стегинт заметил, что в ней остались три бусины. На плиту рядом с измарагдовой легла бусина, похожая на желтый янтарь.

– Литва. В Литве сидит Тройдень. Сильный, коварный. На Руси и в Польше его боятся. Кроме самих ятвягов только литовские разбойники знают путь через ятвяжский лес...

Рядом с желтой легла бусина белого цвета.

– Мне не хотелось бы так думать, но если мы решили ничего не исключать, на людей Владимира могли напасть тевтонские братья. Пруссия не так уж далеко. И теперь, когда племя пруссов почти покорено, у тевтонских братьев развязаны руки. А это, поверь мне, самые лучшие воины, каких только знает свет.

Между белым и желтым камнями оставалось последнее свободное место. Стегину не терпелось, но ирландец медлил. Потом положил на плиту восьмую бусину. Она была черная. Круг замкнулся.

– Кто это?

– Остальные власти далеко, и трудно помыслить, чтобы они могли быть замешаны, но есть еще одно племя. И если мы не исключили даже Владимира, тем более, не следует исключать этого...

Стегинт словно проглотил горячий уголь вместо хлеба. Он поднялся и вышел из кельи, отошел и сел на землю. Хотел скинуть монашеский плащ, но ночной воздух холодил кожу. Это было первое, еще слабое дыхание грядущей осени. Рваные облака неслись по небу, скрывая звездные россыпи.

³⁵ Стрычный – двоюродный. Стрый – дядя по отцу, уй – дядя по матери.

³⁶ Даниил (1201–1264) – князь галицкий.

³⁷ Угорские (Венгерские) горы – древнерусское название Карпат. В Венгрии в те же времена Карпаты назывались Русскими горами. По хребту проходила граница между Русью и Венгрией.

Стегинт не видел ничего дурного в убийстве корабельщиков. Совершившие это могли гордиться своей силой и ловкостью. Но если это сделали ятвяги, открытие тайны должно было обернуться для них войной. Стегинт живо помнил, как сожгли его село, убили родных, а его, еще ребенка, увели в плен. От этого воспоминания его бросало в дрожь сильнее, чем от холода ночи.

Патрик сел в отдалении и молчал.

– Владимир пойдет войной на тех, кто убил его людей? – спросил ятвяг.

– Да.

– На кого ты думаешь больше?

– На польских князей.

– А потом?

– Потом на Льва и Тройденя.

– А потом?

– Потом на тевтонских братьев.

– А потом?

– Остались только Владимир и люди твоего племени.

– Ты одинаково думаешь на них?

– Одинаково...

Какое-то время сохранялось молчание.

– Я пойду с тобой. Но если окажется, что это сделали ятвяги, я перережу тебе горло, когда уснешь.

Патрик непроизвольно прикоснулся к шее и заморгал. В темноте Стегинт не видел этого и не мог представить, какое борение происходило в душе сидящего рядом безмолвного монаха.

– Пойдем, – промолвил, наконец, Патрик, – холодно. Заболеешь.

На следующий день ирландец нанял место на корабле, шедшем из Черска в Пултуск. Путники наблюдали, как мимо проплывали селения с невысокими деревянными храмами, рощи, поля, луга и пастбища. Земля была равнинная. Поселения выглядели не зажиточными, но ухоженными. Никто из их жителей еще не знал, какая угроза нависла над их краем.

К вечеру Стегину стало плохо. Он едва успел перегнуться через борт, и его вытошнило. Когда багряное солнце ушло за край западного леса, он заснул на коленях у Патрика. Во сне он опять видел свой лес. Кругом – бесчисленные ровные стволы. Стегинт словно сам был там, не видел людей, но слышал тяжелое сдавленное дыхание за спиной. От этого звука мурашки бежали по коже, и Стегинт, как и в прошлую ночь, проснулся.

Корабль покачивался на воде и с ним покачивались звезды, густо заполнившие опрокинутую темно-синюю чашу. Стегинт привстал. Над землею восходила луна. Гребцы спали. Кормчий сидел на весле. Корабль продолжал идти, движимый течением и слабым ветром. Патрик сидел чуть поодаль.

– Как себя чувствуешь? – спросил он, увидев, что Стегинт проснулся.

– Почему у тебя такой странный крест? – спросил ятвяг.

– Это ирландский крест. Круг в центре означает солнце. Если взять крест и вытянуть руку, глядя на небо, солнце попадет в этот круг. Как бы заполнит его.

– Твой народ поклоняется солнцу?

– Нет. Обычное солнце нашего мира мы понимаем как образ, символ истинного солнца – Бога нашего, сотворившего все светила.

– Можно мне посмотреть?

– К этому предмету надо относиться с благоговением. Это значит уважительно-уважительно, говорю я, и с трепетом в сердце.

– Обещаю-обещаю, я не обижу твоего Бога.

Патрик протянул крест. Стегинт осторожно принял, вытянул руки в сторону луны, и серебристый свет наполнил круг, опоясывающий перекрестье.

Утром за бортом была уже не Висла – гребцы налегали на весла, ведя корабль против течения. Пополудни, после привала, миновали место слияния двух притоков.

– Далеко до Пултуска? – спросил Патрик одного из корабельщиков.

– Шесть поприщ, – ответил тот, – плохое место проплываем...

– Почему?

– Разве пан не слышал, как напали на русинов? Всех убили. Товар взяли. Корабли затопили.

– Кто мог совершить такое?

– Мало ли, какие поганцы³⁸ могут из лесу выйти? Мой брат ставил сети ниже по течению. Он видел, как по реке прошли две ладьи, а потом по лесу мимо берега прошли вооруженные люди. Говорит, сердце ушло в пятки, словно смерть увидел. Замер со страху, стоит. А они мимо проходят, словно не видят его. То ли, правда, не заметили, то ли не до него было. Он расхрабрился тогда – хотел их выследить, но одумался. А утром рыбаки нашли на берегу много трупов.

– Хотел бы я поговорить с твоим братом.

– Чтобы он пану проповеднику в уши заливал, как он в лесу с мертвецами повстречался? – корабельщик засмеялся. – Думаю, он тоже был бы не прочь.

– А скажи, правда ли, что около месяца назад Болеслав Плоцкий посетил Пултуск?

– Было.

– Какое дело он мог иметь в этом городе?

– Слышал, что он направлялся в Литву.

– У него добрые отношения с князем Тройденем?

– Об этом пан пусть вельмож и епископов спрашивает.

– А большая дружина с ним была?

– Нет. Две дюжины от силы. Если пан проповедник думает, что Болеслав напал на корабли, он ошибается. Это сделали не христиане.

Стегинт прищурился.

– Почему пан так думает? – спросил Патрик.

– Я видел это место сразу после бойни. Нас наняли, чтобы мы сплавили трупы на кладбище. Земля была напитана кровью. Все посечены, порублены. Одни – в лесу, другие – у воды. Видно, их застали врасплох. И вот одного мертвеца я никогда не забуду. Лежит на спине с широко открытыми глазами. А нутро исторгнуто и разбросано по земле – сердце, печень, желудок. Только мухи роятся.

– Ясно, – кивнул Патрик, – корабли подняли?

– Нет. Если пан проповедник повернет голову, увидит, как мачта из воды торчит. А вон там и затока, где они пристали к берегу.

Корабельщик показал рукой. Стегинт приподнялся, чтобы лучше рассмотреть. Патрик переглянулся с ятвягом и обратился к кормчему:

– Пан капитан, можем ли мы сойти?

– Здесь? – кормчий с недоумением посмотрел на двух странных монахов.

Путники выбрались на берег, выжимая воду из намокших плащей, и без сил упали на теплый песок. Корабль продолжил путь.

– Я понял, – сказал мальчик, – ты хочешь, чтобы я нырнул.

³⁸ Поганцы – язычники.

Речные волны ярко блестели на солнце, но это был холодный металлический блеск, какой бывает в конце лета – начале осени. Стегинт снял одежду и неспешно вошел в реку по пояс. Потом легко оттолкнулся от песчаного дна и поплыл к тому месту, где виднелась верхушка мачты. Ухватившись за нее, он сделал глубокий вдох и, двигаясь вдоль скользкого ствола, ушел вниз. Сквозь желто-коричневую муть он различил лежащий на дне остов, похожий на большую рыбину. Ни следов товара, ни трупов. Стегинт проплыл вдоль бортов. Грудь начало распирать, и ятвяг вынырнул, чтобы отдышаться и опять уйти под воду. Края ладьи еще не успели покрыться ракушками и водорослями. Пальцы прикасались к палубным доскам, нащупывая то, что не могли увидеть глаза. Под руку попала какая-то вещица. Стегинт всплыл, разжал пальцы – в ладони лежала орихалковая серьга.

Патрик осматривал берег. Разлапистые деревья клонились к реке. Четыре пепелища чернели на месте перегоревших костров. Зарубка на дереве – чей-то меч или секира повредили кору. Прежде срока пожухли листья на надломанной ветке кустарника.

Стегинт вышел из воды и упал без сил на прогретый песок.

– Все дно обыскал. Не могу найти второй корабль. Я продолжу, но отдохну сначала.

– Не нужно, – сказал Патрик, – ты его не найдешь. И знаешь, что я тебе скажу? Я уверен, что Конрад не виновен.

Патрик снял с нити красную бусину.

– Почему?

– Много, много доводов. Каждый из них в отдельности может казаться малым, но в совокупности они придают мне уверенности. Прежде всего мой разум все время говорит мне, что это слишком безумный поступок. Конрад окружен врагами. Его трон шатается под ним. А он находит себе еще одного врага там, где мог бы найти друга...

– А может, он очень храбрый.

– Это была бы не храбрость, Стегинт. Это следовало бы назвать дерзостью! Дерзостью, говорю я, алчностью и безумием. Как он мог, решившись на такое дело, даже не продумать заранее, кого обвинить перед Владимиром? Эта мысль тревожила меня все это время. И вот нашлись подтверждения. Старый настоятель ручается за Конрада.

– Что тут странного? Он защищает своего князя и сам боится войны.

– Я немножко разбираюсь в людях, братец. Я смотрел ему в глаза и видел – он мог ошибаться, но он не врал. Он был уверен в правдивости своих слов. Посмотри дальше. Люди Конрада хорошо знают свою землю, и у них был срок изготавиться – они, скорее всего, сделали бы засаду, а эти, если верить словам того гребца, шли по лесу, ожидая, когда ладьи станут у берега. Значит, они здесь чужаки. Наконец, на дне реки только один корабль, потому что второй – видели в Плоцке. В Плоцке сидит брат Конрада Болеслав.

– Значит, Болеслав? – хитро сузились глаза ятвяга.

– Многое указывает на него. Он мог совершить это и один, и в сговоре с кем-то – например, со своим дядей Болеславом Краковским или с Трой денем Литовским... – Патрик начал рисовать что-то на песке, – на следующее утро корабль в Плоцке уже никто не увидел. Так сказал настоятель. А что, если он просто прошел мимо – дальше вниз по течению? – Патрик потыкал пальцем в песок там, где заканчивалась начертанная им линия. – Здесь начинается власть тевтонских братьев. У нас осталось шестнадцать дней срока, который отпустил нам князь. Этот день клонится к вечеру. Заночуем здесь. Завтра с утра попробуем добраться пешком до Пултуска. Если повезет, найдем корабль до Плоцка, и если у нас еще останутся дни – спустимся по Висле посетить замки тевтонов.

Пока ирландец рассуждал, проголодавшийся ятвяг залез в суму и отломил кусок подсохшего белого хлеба. Его взгляд опять упал на книгу, но гордость не позволила напомнить Патрику о его обещании. Перекусив, он отошел, сел и тоже стал рисовать на песке, стараясь выглядеть, как Патрик. Пальцы выводили орнаменты и пытались изобразить фигурки и лица

людей, но орнаменты получались лучше. Он достал серьгу, найденную в реке, повертел в руках и спрятал обратно.

Слово 6: Гаудемунда

Солнце клонилось к верушкам леса, и проповедник окликнул Стегинта, чтобы тот помог устроить место для ночлега. Они сделали лежанку и шалаш из ветвей. Принесли хвороста, разожгли огонь и сели отдохнуть. Греясь у костра, ятвяг спросил:

– Не боишься ночевать в этом месте?

Патрик задумался:

– Остров, на котором я родился и жил, уже многие сотни... может, даже тысячи лет, населяют разные кланы. И все это время они враждуют, убивая друг друга ради власти, ради имущества и ради мести – ради мести, говорю я, хотя уже никто не помнит, кто кого убил первым. Думаю, на моем острове не осталось ни одного камня, не пропитанного кровью. Но я исходил этот остров вдоль и поперек, и нет края, который я любил бы больше. Поэтому ответу на твой вопрос – нет. Я привык не бояться мертвецов, пока верю, что мой Бог не отвернулся от меня.

Ятвяг задумался, потом спросил:

– А тысяча, это сколько?

– Десять раз по сто.

– Много!

– Да.

– Наверно, на твоём острове тысячи деревьев, раз ты его так любишь?

Патрик ответил не сразу:

– На моем острове есть леса, но не такие густые и обильные, как здесь. В Ирландии много зеленых лугов, где пасут овец, вересковые пустоши, есть красивые горы на западе с плоскими вершинами. А когда ветер дует с моря, чувствуешь запах и привкус соли во рту. У нас небо чаще покрыто облаками и чаще идет дождь. Хижины выложены из камня, и в дождливую погоду в них приятно греться у очага. Зимой у нас мало снега. Если он выпадает, то не покрывает надолго землю. Но и лето прохладнее.

– У нас в Ятвягии тоже есть горы. На них обычно стоят крепости.

– Это не горы. Настоящие горы такие, что поднимаются до облаков.

– Андай!

– Не ругайся.

– Ты врешь!

– Нет, не вру.

– А море – какое оно? Брат рассказывал мне, что оно, как озеро, только такое большое, что берегов не видно.

– Вода в море соленая и другого цвета. Когда дует ветер, поднимаются волны выше человеческого роста, покрытые белой пеной. Они накатывают с силой и разбиваются о серые скалы.

– А за этим морем есть еще что-нибудь?

– В старые времена думали, что мой остров – последний край земли, но потом корабельщики из королевства Норвегия отправились в путешествие на полночный запад и обнаружили еще два острова³⁹. Находясь в море, они несколько раз выпускали ворона, а он возвращался и садился на мачту, потому что не видел земли. А потом не вернулся, и скоро они поняли, что суша близко. Там холодно. Из-за нехватки леса поселенцы разводят огонь из костей рыб и животных, обмазывая их рыбьим жиром. У них принято иметь много овец и рогатый скот. Уже в наше время нашли третий остров. Он очень обширен и заселен людьми, но все они язычники. В морском и речном песке находят в больших количествах лучшее золото⁴⁰.

– Далеко этот остров?

– Некоторые из вернувшихся говорили, что плавание туда и обратно заняло у них пять лет.

– Как же велик свет!

– Воистину так. Я тоже когда-то дивился этому, но говорю тебе, как бы ни был велик свет, для Бога одна человеческая душа дороже целой вселенной.

В сгущающихся сумерках мелькали крылья нетопырей. Стегинт сидел с широко раскрытыми глазами и молчал, думая о море и далеких островах. Слова ирландца плохо вместились в его голове.

– Ночь будет холодная, – произнес Патрик, – посмотри за костром, а я пойду наберу дров, пока не совсем стемнело.

– Ты сиди. Я схожу, – сказал Стегинт.

Весь хворост поблизости был собран до них. Сухостой вырублен. Вот здесь ломали ветви для костров, здесь повалили старое мертвое дерево. Стегинт углубился в чащу. Он оглянулся, и увидел проблеск огня, мерцающего меж темных стволов. Ему показалось, что он слышит голоса и беспечный смех на берегу. Дух воина захватил его сознание, рука сжала палку, как боевое копьё, мышцы тела напряглись. Он будто ждал, когда люди, сидящие на берегу и обреченные на смерть, расслабятся и задремлют. Рядом бесшумно и терпеливо сидели в засаде товарищи. Их души замерли в предвкушении. Долгий день близился к концу. Клинки обнажены, топор завис, привкус крови во рту. Стегинт поднес пальцы к прикушенной губе. Отринув видение, он подобрал оброненный хворост. Да, они сидели здесь, перед тем как напасть. Кем бы они ни были, они пришли из этого леса.

Рано утром, когда солнце еще не взошло, Стегинт проснулся и выбрался из шалаша. От воды веяло холодом. Над речной гладью завис туман. Небо просветлело, но еще непонятно было, облачное оно или ясное. Патрик стоял на коленях поодаль, сложив руки в замок и закрыв

³⁹ Исландия и Гренландия.

⁴⁰ Известный европейским мореплавателям и географам X–XIII вв. обширный «остров» (Винланд у Адама Бременского) на западе – это, вероятнее всего, Америка, впоследствии забытая европейцами и заново открытая Х. Колумбом.

глаза. Голодный ятвяг заглянул в суму монаха, но со вчерашнего ужина в ней было так же пусто, как и в его желудке.

До слуха донесся всплеск воды, как будто от весел. Стегинт присмотрелся и увидел выплывшую из тумана ладью с высоким носом и такой же кормой, без мачты и паруса, с белым шатром в середине.

– Патрик, посмотри, посмотри...

Проповедник открыл глаза и поднялся с колен. Корабль медленно приближался по течению. Странники подняли руки и, громко взывая, стали у самой воды. Ладья сначала прошла мимо, но потом повернула к берегу. Кормчий махнул монахам рукой, давая знак подойти.

На землю сошел старый одноглазый воин в пластинчатом доспехе⁴¹ и коричнево-желтом плаще. Борода и волосы – цвета соломы. Лицо пересекал косой шрам. Он протянул Патрику серебряное украшение в виде браслета и, не без труда подбирая польские слова, произнес:

– Святой отец, моя племянница литовская княжна Гаудемунда, дочь великого князя Тройденя, просит принять этот дар в честь ее свадьбы с князем Болеславом и просит молить Бога о благополучном прибытии в город Плоцк и даровании супругам долгих лет и многочисленного потомства.

– Я с радостью вознесу мои молитвы о счастье доброй госпожи, но не будет лучшей благодарности за это, как если бы вы приняли нас на борт и помогли добраться до города, в который держите путь, потому что мы направляемся туда же.

Патрик отвечал по-литовски. Он не принял дара, и на суровом лице старого воина мелькнула растерянность.

– Святой отец, это свадебный поезд...

Из шатра донесся негромкий зов – красивый девичий голос призывал старого литовца. Тот подошел по воде к борту ладьи и через ткань шатра шепотом переговорил с племянницей.

– Гаудемунда хочет знать, откуда ты знаешь наш язык?

– Во времена короля Миндовга я проповедовал в Литве, Налынахах и Ятвягии, – ответил ирландец.

Дядя с племянницей перекинулись еще несколькими словами. Ткань шатра дрогнула и из него появилась невеста в белом платье под синим плащом, высокая, с длинными, пока еще распущенными светлыми волосами, поверх которых была закреплена диадема в форме переплетающихся золотой и серебряной змеек с вкраплениями янтаря. Восходящее солнце выглянуло из-за леса, и янтарь в диадеме как будто засветился изнутри.

– Лаума!⁴² – прошептал восхищенный Стегинт какое-то новое ругательство.

Старый литовец сурово посмотрел единственным глазом на мнимого монаха. Но Гаудемунда по-доброму улыбнулась.

– Ты ятвяг?

– Да.

– Дядя Сирпутый, я хочу, чтобы два этих странника сопровождали нас.

– Что ж, пусть едут, – терпеливо ответил брат Тройденя.

Монахам помогли забраться, и ладья отошла от берега. На ней было два десятка хорошо вооруженных литовцев в одинаковых кольчугах и шлемах. Гаудемунда, приоткрыв завесу шатра, начала расспрашивать Патрика о его странствиях по Литве в годы правления Миндовга. Ирландец отвечал на все ее вопросы.

– ...потом король Миндовг сам принял крещение, – вспоминал ирландец, – и в бытность мою там короновался, приняв корону и свое королевство от Римского Престола. Он завещал

⁴¹ Пластинчатый (ламеллярный) доспех изготавливался из металлических пластин, скрепленных ремнями.

⁴² Божество женского пола, небесная ведьма.

и своим наследникам поступать так же – лишь бы они проявляли к этому не меньшее усердие. Я слышал, что нынешний князь Тройдень – достойный правитель...

– Мой брат – поганец, – отрезал Сирпутий, – и другим уже не станет.

Гаудемунда попыталась смягчить его слова:

– Отец хранит веру предков, но он также хорошо относится к христианам. Ведь ни тебе, дядя, ни другим поверившим в распятого Бога он не чинит препятствий. Он даже не стал возражать против моего крещения, когда Болеслав посватался ко мне.

Сирпутий прищурил глаз и снисходительно отвернулся.

– Уверен, что ты будешь самой прекрасной невестой, какую видел Плоцк, – по-доброму улыбнулся Патрик, – и свадьбу твою запомнят на многие годы.

– Свадебный пир уже был, – опустила глаза польщенная Гаудемунда, – в Плоцке мы только обвенчаемся.

Тогда я стану законной супругой Болеслава и княгиней мазовецкой.

– Значит, вы праздновали в Литве?

– В замке моего отца в городе Керново. Отец настоял.

– Наверно, было много гостей?

– Да, очень много. Отец помиловал всех своих недругов и сделал много дорогих подарков в честь моей свадьбы. Шесть дней пировали. А перед этим отец устроил большую охоту в окрестностях замка, чтобы добыть дичины для свадебного стола и развлечь гостей.

– Наверно, и князь Болеслав любит охоту?

– Да, мой муж сам забил зубра и трех вепрей. Он хоть и лехит, на охоте не уступал литвинам.

– Не сомневаюсь в храбрости твоего мужа. Лишь бы только долгое отсутствие правителя не нанесло ущерба его государству.

– Поэтому он и отбыл впереди нас, чтобы на быстрых конях раньше вернуться в свой город.

– Должно быть, его не было в Плоцке не меньше месяца?

– Пожалуй. Но у него верные бояре, на которых можно положиться...

– Гаудемунда, – прервал племянницу Сирпутий.

– Что, дядя?

– Не пристало девице рассуждать о мужских делах.

Княжна вздохнула и не стала перечить. Корабль медленно приближался к течению Вислы. Утро было ясное. Дул восточный ветер, и лес слабо покачивался вершинами многолетних дубов. Стегину стало грустно. Он понимал, что они были где-то рядом с его родиной, а теперь течение реки уносило его обратно. Дружинники гребли ровно, одновременно опуская весла в воду и делая плавные гребки, так что ладья словно сама скользила по воде.

Вдруг Сирпутий поднял руку. Весла зависли над водой. Он привстал, всматриваясь вперед. Над берегом ниже по течению поднимался столп черного дыма. Вдали виднелись еще два таких же.

– Гребите к правому берегу, – приказал опытный воин, – деревни горят. Это война.

Воины спрыгнули и выволокли ладью на песок под навес зарослей. Двое пошли в разведку. Остальные, тихо орудуя маленькими топориками, срубили осек⁴³ вокруг стоянки. Литовцы почти не разговаривали, понимая друг друга с короткого взгляда или жеста. Княжна оставалась в лодке и не отрывала от дяди тревожно-вопросительных глаз. Патрик молился.

Стегинт сел рядом с ладьей вполоборота к Гаудемунде и, не глядя на нее, сказал:

– Не сомневайся, все, кто здесь есть, будут сражаться, чтобы защитить тебя.

– И ты тоже? – улыбнулась Гаудемунда.

⁴³ Осек – стан, укрепленный срубленными и поваленными друг на друга деревьями.

– И я, – твердо ответил отрок.

– Разве монахам можно проливать чью-то кровь, кроме своей?

– Я не монах, – сказал Стегинт, – Патрик монах, а я просто одет так.

Гаудемунда пристально посмотрела на своего нового защитника.

– Ты из какой области?

– Из Злины.

– Говорят, злинцы храбрые.

– Все ятвяги храбрые, – уверил Стегинт.

Разведчики вернулись, ведя под руки рыбака. Во рту у него был кляп. Пленника бросили на колени перед Сирпутием и освободили рот. Старый литовец сел на колоду и сказал:

– Не бойся. Мы не причиним тебе вреда, если ты не будешь противиться. А нам всего-то нужно узнать ответы на кое-какие вопросы.

Рыбак молчал. Увидев среди литовцев латинского монаха, он немного успокоился. Сирпутий заметил это и подозвал Патрика.

– Святой отец, ты хорошо знаешь язык лехитов. Побудь нашим толмачом. Пусть тебе он скажет правду. Спроси, почему на том берегу горят деревни?

Патрик перевел.

– Война, – коротко ответил рыбак.

– Кто воюет? – уточнил проповедник.

– Русины. Владимир начал войну против Конрада.

– Не может быть! – вырвалось у Патрика.

Сирпутий внимательно посмотрел на ирландца. Проповедник хотел перевести сказанное рыбаком.

– Я слышал его слова, – прервал Сирпутий, – и твои слова тоже слышал, святой отец. Объясни нам, что ты знаешь такого, чего не знаем мы. Почему этот лехит говорит, что Владимир Волынский воюет против Конрада Мазовецкого, а ты говоришь, что это невозможно?

– Князь Владимир сказал, что не начнет войну против Конрада, пока не узнает наверняка, кто убил его людей.

– Люди Владимира погибли в Мазовии?

– Корабельщики на двух ладьях. Они везли зерно в Ятвягию. Ночью на них напали разбойники. Это случилось в том месте, где вы подобрали нас.

Литовцы переглянулись. Сирпутий посмотрел в землю и потерял бороду.

– Ты сказал, что Владимир не знает, кто виноват?

– Он послал меня за этим.

– Значит, ты лазутчик, а не священник?

– Князь обещал, что разрешит проповедовать в Ятвягии, если я исполню его поручение.

Сирпутий поднялся, повернулся спиной к Патрику и подошел к воде. Какое-то время он, скрестив руки, смотрел в сторону пожарищ, и пока он молчал, никто не проронил ни слова. Потом заговорил с племянницей. Они говорили негромко и неспешно, но в тишине леса все слышали их разговор.

– Гаудемунда.

– Да, дядя?

– Ты все слышала. Нам придется пока вернуться в Литву.

– Я хочу, чтобы мы плыли дальше.

– У меня здесь довольно воинов, чтобы защитить тебя от разбойников, но я не смогу защитить тебя от целого войска. Такие войны длятся недолго. Русины насытятся разбоем, уйдут с добычей, и пути снова откроются.

– Разве князь Владимир не в мире с моим отцом?

– Гаудемунда... – Сирпутий вздохнул, криво усмехнувшись, – Гаудемунда. Три моих брата погибли от рук волынского князя. Мир между князьями длится до той поры, пока один не попадется на зубы другому. Когда наша ладья с тобой и этими ларцами окажется на глазах у сотен разгоряченных воинов, голодных до серебра, крови и женской плоти, – прости меня, что говорю так прямо, – никто из них не вспомнит о мире. И никто не спросит, чья ты дочь. Я не говорю, что обязательно произойдет так, но такое может случиться. А я не могу подвергать опасности твою жизнь и честь рода. Понимаешь меня? Гаудемунда... Ты что, плачешь? Господи, лучше бы мой брат послал меня на войну!

Сирпутий всплеснул руками. Старый воин знал, как провести войско по вражеской земле, но не знал, как совладать с женскими слезами.

– Если позволишь мне встретиться с князем Владимиром, – вмешался Патрик, – я расскажу ему, кто вы, чтобы он приказал своим воинам беспрепятственно пропустить вашу ладью.

Гаудемунда подняла покрасневшие глаза на проповедника и с надеждой перевела взгляд на дядю.

– Нет, – сразу отверг Сирпутий, – Гаудемунда, я не доверяю этому человеку. Он служит Владимиру и просто приведет их к нам.

– Дядя...

– Да?

– Дядя, послушай меня внимательно – как дочь твоего брата.

Сирпутий скрестил руки.

– Я знаю, что ты всегда презирал мои слова и мысли, когда разговор заходил о войне, об охоте, о власти. Я никогда не обижалась на тебя за это, потому что ты был прав. Но есть кое-что, в чем я понимаю не хуже тебя. Я чую людей, дядя. Ты знаешь об этом. Я знаю, кому можно доверять, а кому нельзя. Я доверяю этим двоим. Я готова доверить им мою жизнь и мою честь.

Сирпутий pokrивился, посмотрел прямо в лицо проповедника, пытаясь понять, что такого рассмотрела в этом человеке его племянница, чего не видел он. Потом махнул рукой:

– Перевезите их на тот берег.

Шатры стояли на опушке недалеко от реки. На ветру развевались червлёные треугольные хоботы стягов. Воины разошлись по стану и занимались своими делами. Кто разводил костер, кто точил клинок, кто свеживал оленью тушу, подвешенную под деревом. Из лесу доносилась переключка, стук топоров, хруст подрубленных деревьев. Отдельно разместились пленники. Их было немало, но сбитые в тесную кучу, сидящие на земле, притихшие и напуганные, они не бросались в глаза. Сторожевые неспешно разъезжали по полю на расстоянии полверсты от стана. Иногда они останавливались, всматриваясь вдаль.

Когда посреди поля появились два монаха, один из воинов прищипорил белого коня и устремился в их сторону, стремительно набирая ход. Круглый шлем и доспехи серебрились на солнце, лицо закрывала личина. Стегит припал на колено и потянулся за камнем.

– Не смей! – строго крикнул ему проповедник.

Патрик сделал несколько шагов и поднял высоко над головой крест, держа обеими руками. Воин промчался рядом, сделал полукруг и вернулся, придерживая за узду взволнованного жеребца. Голос из-под личины прозвучал коротким низким эхом.

– Кто такие?

– Мое имя Патрик. Я проповедник из Ирландии. Со мной мой ученик. Нам нужно говорить с князем Владимиром.

– Разве ты епископ?

– Нет.

– Тогда почему думаешь, что князь Владимир будет с тобой говорить?

– Я выполняю его поручение в этой земле.

Всадник молчал. Личина, повторявшая очертания лица, пугала бесстрашной неподвижностью. Черные впадины для глаз пристально смотрели на путников. Еще несколько воинов приблизились и окружили монахов, разъезжая вокруг, словно волки вокруг загнанной добычи. Патрик покопался в суме, достал охранную грамоту русского князя и протянул первому всаднику. Тот принял, не снимая перчатки, посмотрел и вернул монаху.

- Князя Владимира нет здесь.
- Разве это не его войско?
- Его.
- Разве не он ведет свое войско?
- Для этого у него есть воеводы.
- Кто же здесь главный?
- Василько Слонимский.
- Тогда нам нужно говорить с ним.
- Ты уже говоришь с ним. Проводите их в мой шатер.
- Василько развернул коня, ударил острогами⁴⁴ в бока и помчался к стану.

Трещали костры. Дымились подвешенные на жердях котлы. Воины отдыхали после дневного перехода. Благодное умиротворение нарушал детский плач и скрежет натачиваемых клинков. Ратники с усталым любопытством провожали взглядами двух латинских монахов, которые сами пришли в их стан. Увидев духовное лицо, некоторые из пленников поднялись и сошли со своих мест, надеясь на благословение и утешение, но стражи окриками заставили их вернуться. Патрик совершил крестное знамение.

Белый конь стоял на привязи около высокого шатра, круглый шлем висел на шесте у входа. Дружинник приподнял завесу, и гости, нагнувшись, прошли внутрь.

Посередине горел очаг. Пахло жареным мясом. Молодой князь сидел на потнике⁴⁵, разостланном поверх хвороста. У него были правильные черты лица, русые волнистые волосы и такая же борода. Голубые глаза – не добрые и не злые, холодные. По правую руку от него сидел дружинник. Жестом Василько пригласил гостей сесть напротив. Дружинник достал из горячих углей тонко нарезанные поджарившиеся ломти оленины. Протянул сначала князю, потом – монаху. Гость отказался. Зато Стегинт проворно взял сразу два куска – один спрятал, другой принялся есть.

- О чем ты хотел говорить со мной Патрик-ирландец? – спросил князь.

Патрик опустил глаза, облизал губы и наклонился чуть вперед, словно взвешивая в сердце каждое слово, которое собирался произнести.

- Прежде всего, прошу тебя, отпусти пленников.
- Не могу.
- Они ни в чем не повинны.
- Конрад виновен.
- Я иду к Владимиру сказать, что Конрад не виновен. Владимир послал меня узнать об этом.
- Добро, но меня Владимир послал, чтобы я воевал с Конрадом.
- Тогда прекрати хотя бы на срок воевать эту землю и не бери новых пленников, пока не получишь новых повелений от князя Владимира.
- И этого не могу.
- Заметив, как поник монах, Василько заговорил более доверительно:

⁴⁴ Остроги – шпоры.

⁴⁵ Потник – войлок, подкладываемый под седло.

– Я не знаю, сможешь ли ты убедить Владимира. Но сейчас я не могу сделать того, о чем ты просишь, даже если бы захотел. Нельзя просто взять, привести войско в чужую землю, стать в ней станом и ничего не делать. Это как засунуть руку в пчелиный улей и, не трогая меда, ждать, что будет дальше. Я погублю войско и погибну сам. Ты не воин. Ты монах и можешь не понимать этого. Если я не буду разорять эту землю, как я обеспечу моих воинов и их лошадей прокормом и всем необходимым? Если не воевать, мои воины не поймут, зачем мы пришли сюда, утратят дух, перестанут доверять мне и слушать меня, и нас одолеет даже слабый враг. Если мы будем просто стоять и ждать, лехиты соберут великое войско, придут и порежут нас, как стадо овец. Если бы ты встретил меня до того, как я пересек межу, я еще мог бы подумать над твоей просьбой. Но я перешел рубеж. Теперь меня может остановить только господин князь Владимир или сам Господь Бог.

– Ты ангел смерти, посланный в эту землю, – отрешенно произнес ирландец.

– Похоже на то, – бесстрастно согласился Василько.

Ирландец свел руки, соединив кончики пальцев. Его взгляд блуждал, словно искал, за что зацепиться. Стегинт легонько толкнул задумавшегося проповедника. Патрик кивнул, словно вспомнив о чем-то, положил ладонь на его плечо и еще раз обратился к полководцу:

– Скажи, если в твоей воле окажутся люди не из княжества Конрада, ты ихпустишь?

– Мы брали в плен только туземных селян.

– А если тебе будет известно, что эти люди не лехиты?

– Покажи мне этих людей, и мы подумаем, как с ними быть.

– Их нет в твоём стане.

Василько переглянулся с дружинником.

– Ты говоришь загадками, отец.

– Речь идет об иноземном корабле, который проследует через землю Конрада.

– Война только с Конрадом, – развел ладони князь, – но я должен буду осмотреть корабль, чтобы убедиться, что там и вправду иноземцы.

– Ты поклянешься, что этим людям не будет вреда?

Василько достал нательный крестик и поцеловал, глядя в глаза Патрику.

Пополудни литовский корабль подошел к затоке у левого берега. Здесь уже стояли русские дружинники. Послышался топот. Из прибрежной дубравы выехал Василько и по дороге, круто сходящей к воде, приблизился к лодке. Сирпутий сошел на землю. За ним последовали несколько литовских воинов. Василько спешил. Один из дружинников принял и отвел в сторону его коня. Два полководца обнялись, как отец с сыном.

– Тебя не ждал увидеть, – сказал литовец, – если бы знал, что это ты ведешь войско Владимира, не остерегался бы.

– И я не ждал, – ответил Василько холодно.

Патрик стоял рядом, и ему показалось, что улыбка на лице Слонимского князя омертвела, а в глазах отразилось волнение. Но Сирпутий, кажется, не заметил этой перемены.

– Ну что, даешь нам путь? – громко рассмеялся литовец, как бы в шутку.

– Кто в шатре? – спросил Василько.

– Везу племянницу в Плоцк к ее мужу Болеславу, – радостно сообщил Сирпутий.

– Хочу убедиться.

Литовец отступил на шаг. Улыбка на его лице погасла. Он засунул большие пальцы обеих рук под широкий ремень и выжидал, как дальше поведет себя русин. Его взгляд словно говорил: «Хочешь бросить мне вызов – валяй», и это было вместо ответа. Литовские воины изготавились. Дружинники Василько подтянулись и разместились полукругом. Патрик рукой отодвинул Стегинта назад.

– Я хочу убедиться, что в шатре – Гаудемунда.

– Нет, – твердо ответил литовец, и некоторое время оба молчали, – неужели ты не понимаешь, что ждет тебя и твой маленький город, если ты нанесешь такое оскорбление моему брату?

Василько не отвечал.

– Дядя, отойди, – раздался за спиной Сирпуття голос племянницы.

Сирпуттий обернулся и посторонился. Дружинники-литовцы тоже расступились. Гаудемунда стояла в полный рост в середине ладьи.

– Вот я, смотри!

– Значит, правда, – опустил глаза Василько.

– Ты ждал чего-то иного?

– Нет. Но я не видел тебя уже три года.

– Ты увидел меня.

– Могу я поговорить с тобой с глазу на глаз?

– Ни я, ни мой дядя не допустим ничего, что могло бы навредить чести моего мужа и моего отца. Если хочешь, говори в присутствии всех этих людей.

– Почему ты называешь Болеслава мужем, но в твоих волосах все еще девичий венец?

– Нам осталось обвенчаться. Это произойдет в тот же день, когда я прибуду в Плоцк.

Молодой князь кивнул. Казалось, он хочет еще сказать что-то, но не знает как.

– Василько, ты хотел увидеть меня, и ты меня увидел. Отпусти нас, как обещал, – попросила Гаудемунда уже не таким твердым голосом, – отпусти меня.

Василько помрачнел, но попятился, и, подчиняясь его знаку, все его дружинники отступили.

– Я запомню тебя такой, какой увидел сегодня, – громко сказал слонимский князь.

– Все оставшиеся дни пути я буду молить моего дядю, чтобы он забыл о том, что сегодня произошло, – ответила княжна.

Сирпуттий плюнул на землю. Все литовцы погрузились в лодку и взялись за весла.

– Вы не плывете с нами? – спросила Гаудемунда у Патрика со Стегинтом.

– Благодарю тебя, княжна, но наш путь изменился.

Ладья отошла от берега. Княжна шепнула что-то дяде и спряталась в шатре. Сирпуттий приподнялся и кинул на берег к ногам Патрика драгоценность, которую монах отверг утром. Патрик поднял серебряный браслет, украшенный двумя янтарями – рыжим и желтым, точно такими же, какие были на четках проповедника.

Когда ладья отплыла далеко, Василько сказал Патрику:

– Сегодня вечером в устье Буга придут корабли с плотами, чтобы вывезти часть добычи на Русь. Я посажу вас в нее. Третьего дня они достигнут Берестья. Там найдете Владимира.

Наступили поздние сумерки. Восходящая над лесом ущербленная луна все ярче серебрилась на темнеющем небе. Глядя на ее чистый цвет, Стегинт подумал, что завтра будет хорошая погода. Деревья неподвижно нависали над рекой, так что даже листья на самых тонких веточках не шевелились. Только повторяющийся крик какой-то птицы время от времени нарушал тишину.

На реке появился черный силуэт корабля, за ним – еще два. На берегу зажглись факелы. Их мерцающий желтый свет был виден издали. Ладьи повернули и, медленно вырастая, подошли к берегу. Сначала на них занесли часть добычи. Потом завели пленников на плоты, привязанные к ладьям. Люди молчали, но когда их усадили, до слуха донеслись сдавленные рыдания.

– Вас долго не было, – сказал Василько.

– Мы думали, вы станете выше по реке, – ответил кормчий.

– Эти двое поплывут с вами. Они должны невредимыми добраться до Берестья и предстать перед лицом Владимира.

- Воля твоя, княже, но я посажу их с пленниками. Другого места у меня для них нет.
- Они не пленники.
- Пусть, – вмешался Патрик, – мы сядем с этими несчастными. Так даже лучше.
- Помни, что они не пленники, – строго повторил Василько и добавил, – будьте осторожны, это случилось недалеко отсюда.
- Я знаю, – отозвался корабельщик, – знаю...

Патрик со Стегинтом зашли на палубу. Мостки подняли, и ладья стала отдаляться. Василько Слонимский поднял руку. Желтые огни на берегу погасли почти одновременно.

Слово 7: Владимир

Всю ночь корабли плыли, не подходя к берегу. Утром сильный западный ветер натянул парус, предоставив гребцам долгожданный отдых. Патрик почти не спал, утешая пленных, читая над ними молитвы на латыни и благословляя их поднятым высоко необычным крестом. Кормчий поначалу злился на чужеземца за его старания, но потом сообразил, что это даже к лучшему. Никто из пленников не бился в рыданиях, не нападал в отчаянии на охранников, не прыгал в воду.

Где-то пополудни корабли с плотами пристали к берегу и простояли до вечера.

– Что случилось? – спросил Патрик одного из корабельщиков.

Тот что-то буркнул вместо ответа и отошел в сторону, но другой ответил:

– Быстро плыли. До Дорогичина осталось два поприща.

– И что же с того?

– Кормчий хочет пройти мимо Дорогичина ночью.

– Разве этот город не во власти Владимира? – удивился Патрик.

– Нет, это город Льва. Кто ведает, что придет его людям в голову? Вдруг захотят осмотреть или задержать нас.

– Я думал, владения Льва далеко в горах.

– Лев владеет тем, чем владел его отец Даниил, а Владимир – тем, чем владел его отец, Василько, брат Даниила. А Дорогичиним прежде владели Божии дворяне⁴⁶. Их изгнал из этой земли Даниил, поэтому и город был его, а теперь – Льва, хоть и далеко от его владений. И застава⁴⁷ там его сидит. А люди его делают, что хотят.

Патрик со Стегинтом переглянулись.

⁴⁶ Божии дворяне – так на Руси называли крестоносцев. В данном случае имеются в виду рыцари Добжинского ордена.

⁴⁷ Застава – сторожевой отряд.

В третий день корабль достиг Берестья, причалив к рыночной пристани, которую так хорошо помнил Стегинт. Деревья в окрестностях города начали желтеть, роняя на воду первые листья.

На княжьем дворе один из слуг узнал Патрика и предложил путникам пройти в поварню.

– Иди, – сказал Патрик Стегинту, – а я буду ждать князя, чтобы не пропустить его.

– Я принесу тебе чего-нибудь, – сказал Стегинт.

Его не первый раз удивляло равнодушие, с которым Патрик относился к еде. Поначалу Стегинт находил этому разные объяснения. Патрик – старик, и ему не надо много есть. Патрик и сам по себе не худой, и значит, дольше может терпеть голод. Под многочисленными складками своей одежды Патрик прячет еду, которую тайно ест, – поэтому, догадался ятвяг, христианские вайделоты и носят такую просторную одежду. Но со временем Стегинт стал осознавать, что все эти объяснения ошибочны, и голод, который испытывает этот иноземец, такой же настоящий, как и у него. По мере этого осознания Стегинт поневоле стал проникаться уважением к выдержке иноплеменника. В его душе зародилась даже зависть. Ему хотелось выглядеть таким же мужественно-равнодушным к голоду. Но когда голод наступал, он оказывался сильнее зависти.

Отпустив послушника и оставшись в одиночестве, Патрик, мало спавший две ночи, без сил опустился на чурбан, стоявший около крыльца княжеского терема. Кожа на его лице обвисла, волосы были взлохмачены. Он хотел как можно скорее увидеть Владимира. Чтобы успокоиться и сосредоточиться, он достал из сумы бусины четок, насадил на нить пять из восьми, завязал узел и начал перебирать их, закрыв глаза и читая молитву. Когда открывал глаза, взгляд цеплялся о синюю бусину. «Значит, у Льва есть владение близко к Пултуску. И корабли, вышедшие из Берестья, прошли через владение Льва, мимо его города...»

Погруженный в мысли ирландец не сразу заметил, как на крыльце появился князь.

– Ты быстро вернулся! – громко и приветливо сказал Владимир.

– Я поспешил назад, как только узнал, что ты начал войну, – поднялся Патрик, – я думал, ты послал меня узнать вину Конрада.

– Так и есть.

– Тогда зачем ты навел полки на Мазовию прежде моего возвращения?

– Разве русский князь должен держать ответ перед латинским монахом?

– Нет. Но и простые люди вправе надеяться, что князья будут поступать по правде.

Лицо князя помрачнело. Слуги, ходившие по двору, куда-то исчезли.

– Иди за мной, – сказал Владимир и удалился в терем.

Патрик поднялся на крыльцо и, миновав стражей, вошел в тронную залу, но здесь никого не оказалось. Косые желтовато-зеленые лучи падали на пол. За троном Патрик заметил низкий дверной проем. Дверь была приоткрыта. Ирландец прошел внутрь.

– Закрой за собой, – раздался голос князя.

Это помещение было просторнее. Окна под самой кровлей освещали внутреннее пространство неравномерно. Больше всего света падало на круглый стол, стоявший в середине и окруженный несколькими креслами. Владимир сидел вполоборота к гостю. У стены стоял низкий дубовый шкаф, в котором лежало примерно три десятка книг. Если бы не усталость, Патрик, наверно, оторопел бы от такого богатства. Книги не были прикованы цепями, как в монастырях.

– Князь, Конрад не виноват...

Владимир поднял руку, обрывая гостя.

– Возьми книгу. Любую.

Патрик выполнил волю князя.

– Открой ее...

Старый переплет заскрипел, как снег под ногами. Взору гостя предстали червлённые буквы, похожие на зверей. Линии переплетались луковичными изгибами. Патрик попытался прочесть слова.

– Не понимаю, что здесь написано.

– Это славянские буквы, – сказал Владимир, – их придумали наши апостолы – Кирилл и Мефодий. Нашлись хулители, которые сказали, что не следует иметь своих букв другим народам, кроме евреев, греков и латинян, потому что на этих языках были надписи на кресте Господнем. Услышав это, Римский Папа осудил хулящих славянские книги и сказал: «Да исполнится слово писания – пусть восхвалят Бога все народы». Вот здесь мое княжество. Когда-нибудь я умру. Мои города и угодья примет новый владелец. Но это я унесу с собой. Похожая зала есть в другом моем городе – Любомле. Здесь и там я принимаю князей. И тебя вот.

Патрик потрянул головой, словно отгоняя дремотное наваждение, закрыл книгу и почувствовал запах пыли.

– Конрад не виновен, – повторил Патрик.

– Я знаю.

– Как? – Патрик выпучил глаза и раздул ноздри, готовый возненавидеть русского князя.

– Присядь, – сказал Владимир, – я прошу тебя, святой отец, сядь.

Патрик сел. Владимир кивнул.

– Когда ты убыл с моими послами к Конраду, ко мне прибыли послы Болеслава Стыдливого, старого князя Кракова и Сандомира. Болеслав велел передать мне: «Напрасно Конрад отпирается перед тобой. Это он приказал перебить твоих людей! Он возложил на тебя большой позор перед всеми! Отомсти Конраду! Смой с себя этот позор!» Тогда я призвал своих воевод – Василько Слонимского, Желислава и Дуная и приказал им вступить в пределы Мазовецкого княжества. Три дня назад вернулись мои следопыты, которых я послал к Пултуску. Они нашли след убийц, ведущий на восток вдоль Буга и потом теряющийся в глубинах леса. Только тогда я понял, что это не Конрад.

– Тогда останови войну.

– Вчера я послал гонцов к моим воеводам.

– Ты понял, что Конрад не виновен три дня назад, но послал гонцов только вчера?

– Ты храбр, Патрик. Я видел не так много священников, которые разговаривали с князьями так же бесстрашно. Я не потерпел бы таких речей от монаха при моих подданных, но раз мы одни, я отвечу тебе, как перед Богом. Думаешь, я люблю войну? Нет. Меня все чаще называют книжником, как бы в укор, с усмешкой, словно намекают, что князь должен быть воином. В последние годы я редко хожу впереди войска. Посылаю воевод. Я не боязливый – повоевал в молодости. Война не радует меня. Боль, смерть, бабий вопль, детский плач. Что смысла в том, что я пролью чью-то кровь собственной рукой? Никогда еще на Руси не было столько храбрых князей, как в наш век. Мой отец Василько и его брат Даниил сражались впереди всех, так что венгры, чехи и лехиты дивились их отваге. Мой тесть, брянский князь Роман, отдавая за меня дочь, узнал, что на его землю напали литовцы. Он вышел с дружиной, сразился с ними, победил, и хотя сам был ранен, вернулся и продолжил веселье. Александр Суздальский⁴⁸ прославил свое имя, когда победил шведов на берегу Невы и Божьих дворян на льду озера. Его сын, Дмитрий⁴⁹, не менее храбрый воин. По всем землям идет молва о подвигах Довмонта Псковского⁵⁰. Мой брат Лев – двуличный хитрец, но никто не посмеет оспаривать его мужество. И вот посуди, столько отважных князей, и никогда еще Русь не была так слаба. Что смысла в

⁴⁸ Александр Невский (1220–1263) – князь новгородский, великий князь владимирский. Имеются в виду победы в битвах на Неве (1240) и Чудском озере (1242).

⁴⁹ Дмитрий (1250–1294) – князь переяславский, великий князь владимирский.

⁵⁰ Довмонт (1230-е – 1299) – князь налынганский, князь псковский.

храбрости и силе князей, если Бог не с нами? Я хочу поднять свои города не силой мышцы, но мудрым правлением. Хочу строить города, крепости, храмы. Судить честно. Дань взимать милосердно. Но бывают испытания, когда князь должен поднять рать, каким бы миролюбивым он ни был. Я не знал, виновен ли Конрад. Но все вокруг уверены, что Конрад опозорил меня. Значит, я должен был наказать Конрада. Иначе все подумали бы, что я слаб. А враги люты, смотрят и ждут моей слабости. И если они увидят, что я слаб, они налетят, как вороны, и не пожалеют мой народ. Понимаешь?

– Прости меня. Ты князь, а я всего лишь монах. Это не может влезть в моей голове, когда невинные люди приносятся в жертву ради предотвращения того, что еще только может произойти, как будто Бог не участвует в делах этого мира. Для меня это какое-то мирское безумие.

– Я не буду продавать пленников на рынке. Поселю в одном месте. Если Конрад пожелает, сможет выкупить их за малую цену.

Некоторое время оба молчали.

– Ты убедился, что Конрад не виноват, – заговорил Владимир, – значит, знаешь, кто?

– Только подозреваю.

– Говори.

– Ты опять будешь мстить, если я скажу тебе?

– Возможно. Но я не начну новой войны. Я смыл с себя позор, наказав Конрада. Все это видели. Теперь я хочу только правды, чтобы знать, кто мой враг, и чтобы он не знал, что я его знаю.

– И ты не разгневаешься на меня, какие бы имена я не назвал?

– Говори, – повторил Владимир.

Патрик достал свои четки и, как бы между прочим перебирая их, начал рассказывать.

– Сначала я подозревал брата Конрада – Болеслава, князя плоцкого. Я узнал, что он с дружиной был в Пултуске незадолго до нападения. А после русскую княжескую ладью видели в Плоцке. И самое главное, что мне удалось узнать, – на дне реки около Пултуска лежит только одна ладья. Так же я допускал, что нападение совершили сами ятвяги или литовцы, потому что только эти язычники могли пройти через обширную заболоченную чащобу. Однако, как мне стало известно, в эти самые дни Тройдень выдавал дочь за Болеслава Плоцкого.

Ни один князь – ни христианин, ни язычник – не благословит месяц своей свадьбы или свадьбы дочери кровавой расправой. Поэтому я больше не думаю ни на Болеслава Плоцкого, ни на Тройденя. Также я думал на тевтонских братьев, потому что та ладья могла пройти по Висле и мимо Плоцка, а дальше лежат их владения. На обратном пути я узнал также, что Дорогичин – владение твоего брата Льва, значит, его людям было сподручнее, чем кому-либо, выследить их. Тогда объясняется, почему убийцы не устроили засаду, а шли вдоль реки, выслеживая корабли. Но теперь, после твоих слов, я также думаю на Болеслава Стыдливового, который так поспешно толкал тебя к войне с Конрадом. Может, он и добивался этого? Откуда ему знать, что Конрад виновен? И откуда ему было знать, что Конрад будет отпираться? Сначала твое посольство должно было достичь Черска – мы ехали три дня. Потом весть, что Конрад отпирается, должна была дойти до ушей Болеслава – даже если у него есть свои люди при дворе Конрада, им надо было еще доехать до Кракова или Сандомира. Только после этого Болеслав мог снарядить своих послов к тебе, чтобы сказать: «Напрасно Конрад отпирается».

Патрик замолчал. Ни одна мышца на лице Владимира не выдавала волнения. Наступившая тишина обволакивала собеседников, словно была материальна, как туман или дым.

– Продолжай, – неожиданно сказал Владимир.

– Я все сказал.

– А измарагд? – спросил князь, даже не взглянув на гостя. – Кто это?

Патрик смущенно сдвинул брови и опустил глаза.

– Это ты.

– Ясно, – Владимир поджал губы и кивнул, – подай мне свой крест. Смотри, целую тебе крест в знак того, что не начну новой войны ради возмездия. Мне только нужно знать правду. Теперь я верю тебе больше, чем когда-нибудь. Серебра получишь, сколько надо. Могу дать лошадей. Закончи, что начал. И я позволю тебе проповедовать в Ятвягии, если ты еще хочешь этого.

Когда Патрик вышел от князя, он посмотрел на свои четки, развязал узел и снял с нити зеленую бусину. Осталось четыре.

Слово 8: Даниил

Патрик со Стегинтом решили идти в Угорские горы, владение князя Льва, пешком. Патрик не любил ездить верхом, Стегинт недолюбливал корабли. Также они согласились держать путь вдоль западного берега Буга – подальше от татарской степи, ближе к единой ирландской латинской Польше.

Патрик шел медленно, чем непомерно раздражал молодого ятвяга. Зато долго не уставал, и когда Стегинт начинал просить о привале, уступал подростку лишь по необходимости. В конце концов путники привыкли друг к другу. Стегинт шел быстро, обгонял проповедника и останавливался на короткий отдых. Тем временем Патрик неспешно нагонял послушника, тоже уходил вперед, а тот, подождав еще немного и набравшись сил для нового рывка, совершал следующий переход, и так они передвигались, соблюдая лишь договоренность не терять друг друга из виду. За выносливую неспешность Стегинт, смеясь, дразнил Патрика, громко называя его болотной черепахой, тот пытался хмуриться, терпеливо снося неблагоприятность послушника.

Ночевали в деревнях. Несмотря на начало осени, дни стояли жаркие, словно природа пыталась наверстать свое после дождливого лета. Поначалу странников окружали густые леса, среди которых изредка открывались неширокие пространства поселений, окруженных полями и пастбищами. Но на третий-четвертый день пути краевид изменился. Поля стали шире, леса поредели, глазам открылась граница земли и неба. Обширные выжженные солнцем пространства чередовались с небольшими зелеными рощами. Еще через день равнинную местность сменили крутые холмы.

Утром пятого дня Стегинт, в уже привычном для себя облачении минорита, стоял на развилке посреди маленькой рощицы в тени молодого дуба, запрокинув голову и глядя куда-то вверх. Патрик настиг послушника. Опершись обеими ладонями о дорожный посох, он перевел дыхание и посмотрел туда же. Из земли на высоту в три человеческих роста вырос каменный столп серо-зеленого цвета. Его вершину венчало изваяние орла.

– Почему у этой птицы две головы? – спросил Стегинт.

– Кажется, это ромейский орел, символ греческой империи⁵¹, – ответил Патрик.

– Разве такие орлы бывают? – не понял ятвяг.

Проповедник не нашелся сразу, что ответить.

– Этот орел является также знаком и русских князей⁵², – услышали путники голос за спиной, – его водрузили здесь тридцать лет назад, а кажется, что стоит уже несколько столетий, да?

На камне сидел сухощавый седовласый человек с обветренным лицом в светло-серой одежде. В руках у него была палка, на траве – большая походная сума. Порты заправлены в высокие сапоги.

– Да, – согласился проповедник, – кажется, что давно...

– А я помню, как мы его поднимали, как будто это вчера было.

Патрик кивнул Стегину и сам присел на бревно.

– Скажи, добрый человек, – кажется, ты знаешь эти края – правильной ли дорогой мы идем в Галицию, землю князя Льва?

– Если вам нужен Галич – да, можете идти этой дорогой.

– А есть ли поблизости место, где странствующим монахам можно найти пристанище для отдыха и ночлега?

– Конечно, ведь этот орел указывает странникам, что в поприще отсюда стоит стольный град князя Даниила, – собеседник перекрестился, поминая умершего князя, – Холм – вам надо только свернуть на эту дорогу.

– Холм? – переспросил Патрик.

– Да. Я давно не был в этих краях, но если ничего сильно не изменилось, там среди русинов живет немало иноземцев латинского исповедания. Возможно, вы даже встретите братьев вашего ордена. Холм – знатный город, большой и красивый даже теперь. Я провел бы вас, но лучше мне будет пройти мимо. Хочу помнить этот город таким, каким он был прежде.

– А каким он был? – спросил Стегинт присаживаясь.

За время, проведенное с проповедником, ятвяг стал менее нелюдимым. Встреча с незнакомцем среди долгой и однообразной дороги была для него развлечением.

– Хотите, чтобы я рассказал, как строили этот город?

– Хотим, – подтвердил Патрик.

Странник вздохнул, обводя глазами листву дубовых крон, зашелестевшую при дуновении ветра.

– Однажды король Даниил, в те времена еще не король, а молодой князь, охотился в этих краях. И вот, проезжая верхом, увидел он место красивое и лесистое на горе, окруженное полем. Он спросил людей: «Как называется это место?» Они же ответили: «Холм». Полюбил он то место и задумал построить на нем маленький городок, обещая святому Иоанну Златоусту, что поставит во имя его церковь. И построил городок. Видя же, что Бог помогает ему и святой Иоанн пособляет, создал он и другой город, который татары не смогли взять, когда Батый всю землю Русскую захватил. Тогда Даниил стал призывать туда немцев и русинов, иноязычников и ляхов. И изо дня в день приходили подмастерья и мастера всякие. Бежали от татар седельники, лучники, колчанщики, кузнецы по железу, меди и серебру. И все ожило. Наполнилось дворами и селами поле вокруг города. Построил он церковь Святого Иоанна, красивую и ладную. Здание ее было устроено так: четыре свода, с каждого угла – арка, стоящая на четырех человеческих головах, изваянных неким мастером. Три окна, украшенных римскими стеклами. При входе в алтарь стояли два столпа из целого камня, а над ними своды и купол, украшенный золотыми

⁵¹ Т. е. Византия.

⁵² Первый князь Галицко-Волынского княжества Роман был женат на Анне, дочери Исаака II Ангела – последнего «легального» императора Византии перед взятием Константинополя крестоносцами во время 4-го крестового похода в 1204 г. Так двуглавый орел впервые стал гербом русских князей – за три столетия до Ивана III.

звездами на лазури. Пол же внутри был отлит из меди и чистого олова и блестел, как зеркало. Два проема были выложены тесаным камнем: белым галицким и зеленым холмским. Узоры, разноцветные и золотые, делал художник Авдей. На западных воротах был изображен Спас, а на полных – святой Иоанн, так что все смотрящие дивились. Даниил украсил иконы, которые принес из Киева, драгоценными камнями и золотым бисером – иконы Спаса и пресвятой Богородицы, которые дала ему сестра Феодора из Феодоровского монастыря, иконы принес из Овруча, и икону Сретенья от отца своего. Колокола – из Киева, а другие здесь были отлиты. Посреди города возвели высокую вежу, чтобы можно было с нее видеть окрестности. Низ ее был построен из камня, в высоту пятнадцать локтей⁵³. А сама она – из тесаного дерева. Она была белая, как творог, так что светилась во все стороны. Студенец⁵⁴ был около нее, в тридцать пять сажень глубиной. А вокруг он насадил прекрасный сад⁵⁵.

– Что же случилось с этим городом, если даже татары его не взяли?

– Был великий пожар. Никто не знает, с чего началось. Некоторые говорят, виновата была бесноватая баба. Когда огонь стал расходиться, многие видели, как она рвала на себе волосы и одежду, хохотала и кричала, что это татары подожгли город. Люди испугались и побежали. Пламя разошлось такое, что по всей земле было видно зарево. Даже из Львова глядя, было видно по Белзским степям, как поднялось сильное пламя. Сгорело все. Вежа, храмы, дворы. В церкви Святого Иоанна Златоуста погорели колокола, все чудесные иконы, кроме образа Михаила. Медь таяла от огня, как смола. В то лето и в самом деле приходили татары. Люди, боясь их, разбежались в страхе по лесам и долго не могли потом собраться. Король Даниил приехал в город после пожара. Увидев такую гибель и разорение, он едва не плакал.

– Ты говоришь, город отстроили заново?

– Да. И храм возвели даже выше прежнего. Но всей прежней красоты уже не было. И вежу ту Даниил не смог восстановить. У него больше не было ни людей, ни серебра. Он строил другие города против татар. Был он князь добрый, храбрый и мудрый. И жил в любви с братом своим Василько. Поэтому и память о нем добрая в народе.

– Ты сказал, что давно не был здесь и сейчас идешь мимо. Кто же ты? Где твой дом?

– Я зодчий. У меня нет дома. Где нужны мои руки, там и живу.

– Ты строишь храмы?

– Я строю крепости. Холмскую вежу мы с братом возвели. После смерти Даниила строительство в этой земле прекратилось. Я ушел в Венгрию. Много видел, много строил. Даже до Австрии доходил. Теперь решил вернуться, но Льву мое мастерство не нужно. Он строит из дерева, а я – из камня. Хочу податься в Польшу. Может, пригожусь Болеславу или его племяннику.

Странник поднялся, закинул на плечо тяжелую суму, взял палку.

– Дивное дело, – сказал он раздумчиво, – прежнего города больше нет. А в моей памяти он, как настоящий. Улицы, дома – закрываю глаза и вижу, как наяву. Годы идут, а память не слабеет. Если правда, что душа бессмертна, значит, и город тот вместе с ней останется навечно?

– Видно, у тебя много связано с этим местом? – сказал Патрик.

Старый зодчий разгладил усы.

– Пора мне. Не помяните лихом.

– Постой, – окликнул Патрик, – я слышал, князь Владимир, сын Василько, хочет строить города и ищет зодчих. Может, ему твои умения пригодятся?

Странник остановился и, не оборачиваясь, спросил:

⁵³ Локоть – старинная мера длины немногим больше полуметра.

⁵⁴ Студенец – колодец.

⁵⁵ Данное описание города Холм воспроизводит соответствующий отрывок Галицко-Волынской летописи предельно близко к тексту.

– Ты наверняка это знаешь?

– Мы вышли из той земли.

– Что ж, спасибо за совет.

Когда зодчий скрылся за поворотом дороги, Стегинт тоскливо опустил голову.

– Ты чего приуныл? – спросил Патрик

– Слышал, как он говорил про свой город? Я тоже помню свое село, каждый дом, каждое дерево в лесу, кусты, тропинки. Мое село тоже сожгли. Но лес остался!

– Когда-нибудь мы придем туда.

– Ты обещал!

– Да.

– И когда мы придем, я скину этот дурацкий плащ и буду жить, как захочу!

– Конечно.

Не встречая сопротивления, Стегинт немного успокоился, но все еще сопел:

– Почему не жить в месте, в котором родился? Зачем вы, христиане, так много ходите?

– Мы верим, что этот длинный и трудный путь незримо ведет в Рай. И когда я понимаю это, мне радостно идти по этой дороге, какой бы длинной она не была.

– Ты хочешь попасть в Рай?

– Конечно.

– Попроси меня. Я покажу тебе дорогу.

– Ты?

– Да, я бывал там, и не раз. Я знаю это место.

– Оно в Ятвягии?

– Да. От моего села надо идти несколько поприщ через Бобриное болото, потом – Черный бор, потом – по тропе вдоль озера...

– Ты, наверно, говоришь об одном из ятвяжских городов?

– Конечно!

Патрик улыбнулся, потрепал послушника по голове и продолжил путь. Ятвяг, обиженно щурясь, проводил глазами спину проповедника. Потом вздохнул, как старичок, поднялся и поплелся следом, бубня под нос ятвяжские ругательства. Выйдя из рощи, они увидели широкое пожухлое поле. На другой его стороне возвышался среди равнины высокий холм, а на нем – город, утопающий в зелени садов, выше которой поднимался купол церкви Святого Иоанна Златоуста.

Придя в город, они зашли в эту церковь, и ирландец попросил, чтобы ему показали уцелевший в пожаре образ архистратига Михаила. Икона потемнела. По краям виднелись следы пламени, которое не коснулось лика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.